

ВИКТОР АЛЕВЕТДИНОВ

КОДЕКС ДЕМОНИЧЕСКОГО ПОСЛА

Печати Небесной крови

— Книга 7 —

Историческое фэнтези

18+

Виктор Алеветдинов

Кодекс демонического посла. Печати Небесной крови. Книга 7

<https://litres.ru/74190779>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если одна признанная фраза способна подчинить целые народы?

На Амуре две вооружённые колонны готовятся выйти к одному речному изгибу. У русской и китайской делегаций есть двенадцать дней, чтобы заключить мир. Но в двух версиях договора проступают кровавые строки, а право требовать вечного исполнения принадлежит послу, которого нет ни в одном людском реестре.

Глеб Воронец умеет ломать печати, расплачиваясь собственной памятью. Ли Шэньюэ читает скрытые условия и переписывает их ценой крови и боли. Чтобы остановить войну, им придётся выяснить, кто создал Кодекс, почему он признаёт только единственный голос и можно ли заключить договор, который не превратит мир в пожизненное подчинение.

Но чем ближе разгадка, тем опаснее становится любое слово
— и тем труднее Глебу и Ли снова довериться друг другу.

Содержание

Часть I. Две версии мира	5
Глава 1. Чернила до приказа	5
Глава 2. Версия для восточного берега	15
Глава 3. Слова на санном пути	25
Глава 4. Переводчик с двумя печатями	37
Глава 5. Встреча по протоколу	48
Глава 6. Пробное чтение	59
Глава 7. Приказ, который нельзя отменить	70
Глава 8. Двенадцать дней	81
Часть II. Переводчик, которого не было	92
Глава 9. Подпись из пустого реестра	92
Глава 10. Автор, родившийся в ссылке	102
Глава 11. Русская копия древнее оригинала	113
Глава 12. Пожар в бумажной башне	123
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Виктор Алеветдинов

Кодекс демонического посла. Печати Небесной крови. Книга 7

Часть I. Две версии мира

Глава 1. Чернила до приказа

Чернила на охранном списке ещё блестели, когда писарь Матвей Тихонов прочёл фамилию Глеба. Левое запястье сдавило, пальцы прижались к столу. Глеб отнял руку, и давление исчезло. Матвей замолчал, перо застыло над песочницей.

Глеб знал это ощущение. Так начинал действовать узел, которому не хватало подтверждения. Запись ещё не получила полной силы, но смысл нашёл названного человека и проверил, подчинится ли его тело. Раньше Глеб ломал такие условия изнутри и каждый раз отдавал часть памяти. Сейчас он не позволил связи закрепиться. Для этого было достаточно перестать участвовать в чтении и заставить остальных называть фразу точно.

— Ещё раз прочти мою строку.

Матвей посмотрел на главу посольства. Иван Зорин стоял у окна приказной избы и грел пальцы над жаровней. За дверью гремели поленья, лаяла собака, крепость жила обычным зимним шумом.

— Глеб Воронеж, охранник при посольской делегации, представитель пустой линии.

Тяжесть вернулась и поднялась до локтя. Пальцы на миг перестали слушаться. Глеб разжал кулак и наклонился к листу. Ни знака, ни крови, ни знакомого узора печати. Только слова, написанные двумя почерками.

— Последнее убери.

— Не могу, — ответил Матвей. — Строка внесена до меня.

Основной список он писал крупно, с одинаковым нажимом. Фамилию Глеба и слова о пустой линии вывели более тёмными чернилами. Они высохли раньше соседних строк.

— Когда составили список?

— Три недели назад.

Официальный приказ о посольстве прибыл вчера. Зорин заметил, что переговоры готовили давно и слух на границе часто опережал гонца, но Глеб взял лист за край и проверил оборот. Там стоял настоящий знак крепостной канцелярии со старой трещиной в оттиске.

— Слух не получает бумагу из приказного запаса.

— Бумага наша, — сказал Матвей. — Это ещё не значит,

что писали здесь.

Глеб снова коснулся строки. Пока её никто не читал, рука оставалась свободной. Давление возникало от произнесённого признания. След был слабым, но искал в нём место.

Слова «представитель пустой линии» он видел раньше в чужих реестрах, где его предков обозначали как удобных носителей несовместимых правил. Ни один документ не объяснял, кто дал людям это право. Теперь неизвестный не просто вспомнил старую формулу. Он включил её в посольский список и заранее назначил Глебу роль.

Зорин признался, что знал о фамилии Глеба, а слова о пустой линии увидел утром. Он велел Матвею попробовать удалить приписку. Писарь взял нож и снял верхний слой бумаги. Тёмные буквы остались ниже среза. Когда он попытался написать рядом «не признано», чернила собрались каплей и скатились к краю листа.

— Хватит. Мы не будем портить приказной документ.

— Его испортили до нас. Моё имя вписали в условие раньше вашего приказа.

Зорин положил перед ним другой лист с двумя печатями. Это была присяга охраны. Глеб прочёл первые строки о службе посольству, людях и имуществе. Дальше стояла формула, ради которой его вызвали заранее: «признавать обязательным всякий текст, согласованный полномочными сторонами».

— Так я не присягну.

Зорин сел напротив.

— Весной две вооружённые колонны выйдут к одному речному изгибу. Наш воевода приказал поставить там острог. С восточного берега пришёл такой же приказ. Без договора люди встретятся у воды, и ни одному командиру не позволено отступить. Мне нужна охрана, которая подчиняется общему решению.

— Общему решению или любому будущему тексту?

— Без этой строки у меня будет шесть десятков личных толкований долга.

— Они и сейчас есть. Просто не все умеют читать.

Матвей спрятал улыбку, уткнувшись в песочницу. Зорин посмотрел на него, затем вернулся к Глебу.

— Предложи свою формулу.

Глеб не знал посольской речи и не собирался изображать знатока. Он сформулировал условие просто: принимает охрану людей и пути, выполняет распоряжения главы делегации. Но откажется, если прикажут отдать человека, связать его неизвестным условием или признать будущую бумагу выше жизни. Матвей заметил, что для присяги получилось длинно.

— Сократи, — предложил Глеб.

— Тогда выйдет: «Людей охраняю, бумаге не служу».

— Вот потому ты писарь.

— Меня держат потому, что остальные пишут ещё хуже.

Зорин велел составить новую присягу без шуток. Матвей

заменил «подчиняться» на «исполнять названные распоряжения» и добавил, что Глеб не принимает обязательств, содержание которых ему не объявлено. Глеб потребовал оставить право отказаться, если условие изменят после выхода.

— Ты заранее готовишь оправдание нарушению приказа, — сказал Зорин.

— Я заранее оставляю вам живого охранника.

— И чистую совесть?

— Она давно не числится в моём имуществе.

Матвей перестал улыбаться. Имя Саввы никто не произнёс, но Глеб вспомнил последний спор. Четыре месяца назад он выбрал за остальных и назвал это спасением. Савва погиб, Ли ушла, а решение осталось с ним. Он не собирался повторять ту же ошибку на первом листе нового дела.

Зорин перечитал исправленную формулу.

— Защиты обычной присяги у тебя не будет. Нарушишь приказ — отвечать станешь лично. На общий текст не сошлешься.

— Этого я и добиваюсь.

Матвей посыпал лист песком. Зорин назвал Глеба охранником посольства и подтвердил новую присягу. Условие прошло по руке до локтя, остановилось и рассыпалось онемением. Чужой власти в нём не осталось. Он принял службу только в названных пределах.

После этого Глеб поставил свой знак под текстом. Перо царапнуло бумагу, и на миг тёмная приписка в первом спис-

ке стала заметнее. Она не получила власти над новой присягой, зато ответила на признание его должности. Значит, неизвестному было важно не заставить Глеба подчиниться любой бумаге, а привести его к переговорам именно как представителя пустой линии.

Это различие не успокаивало. Оно делало замысел точнее.

Зорин поставил печать и передал деревянный жетон.

— С этого часа отвечаешь за охрану посольства.

— За людей и путь.

— Я услышал.

— Лучше запишите.

Матвей постучал по листу.

— Для этого здесь есть человек, которого не ценят, пока не нужно доказать, что все говорили другое.

Во дворе мороз ударил в лицо. Между оружейной стеной и конюшней стояли грузовые сани. У третьих саней мастер Фёдор забивал клин в передний полоз. Клин вошёл криво и расколол край дерева.

Глеб снял рукавицу, проверил трещину и велел выбить клин. Под грузом железная накладка раздвинула бы раскол, полоз ушёл бы в сторону, а задние сани налетели бы на него на первом спуске. Фёдор заявил, что обоз дойдёт до заставы и что он чинит сани двадцать зим.

— Тогда знаешь, где полоз лопнет под грузом.

— А ты теперь санный мастер?

— Нет. Я тот, кто будет тащить ящик по снегу после тво-

его ремонта.

Фёдор увидел жетон в его руке.

— Значит, приняли. Тебя без условия даже в баню не пускают.

— В бане условия честнее.

Молодой стрелец Семён прыснул. Фёдор выдернул клин и пошёл за новым. Глеб открыл ящик с фитилями. Верхний моток был годен, нижний отсырел у стенки. Семён хотел поставить ящик у печи, но Глеб отправил его в оружейный навес, подальше от пороха.

Глеб распорядился разложить фитиль на досках и проверить его до темноты. Семён отрезал кусок фитиля длиной в ладонь, поджёг конец от фонаря и засёк время по счёту. Огонь прошёл меньше половины положенного. Такой фитиль мог погаснуть у запального отверстия или заставить стрельца ждать выстрела рядом с пушкой. Глеб велел отложить весь нижний моток и записать потерю при Матвее, чтобы утром его не вернули в ящик ради красивой ведомости.

После приказной избы обычная неисправность почти радовала. Мокрый фитиль не скрывал второго смысла. Его можно было высушить или выбросить, а виновного — заставить принести замену.

Зорин принёс карту и разложил её на крышке бочки. Речной изгиб находился в трёх днях пути от будущего переговорного стана. На одном берегу должны были встать русские, на другом — восточная колонна. Между приказами остава-

лось меньше половины дня.

Лёд ещё позволял провести тяжёлые сани, но весенний подъём воды изменит путь. Обозу придётся оставить часть груза на заставе и дальше идти лёгкими санями, пока протоки не вскрылись. Любая задержка на переговорах означала обратную дорогу по воде, где одна лодка везла меньше пороха, людей и продовольствия. Поэтому двенадцать суток охранных грамот были не формальным сроком в документе. После них менялись приказы и сама дорога.

— Кто первым получит новый договор? — спросил Глеб.

— Тот, к кому успеет гонец. Охранные грамоты дадут нам двенадцать суток на переговоры. После срока командиры снова исполняют старые приказы.

У изгиба на карте были отмечены рыбацьи зимовья. Несколько коротких черт без имён. Если колонны сойдутся у воды, первые выстрелы примут эти дворы.

— Семьи предупредили?

— О чём? Что мир ещё не заключён?

— Что они стоят между двумя приказами.

Зорин свернул карту.

— Поэтому я выбрал тебя. Ты замечаешь людей, которых забыли внести.

— Меня внесли раньше приказа.

— И это мне тоже не нравится.

Глеб потребовал исходный охранный список. Зорин разрешил изучить его вечером при Матвее, но запретил выно-

силь из приказной избы. Глеб согласился. За день он получил службу без общей защиты, неизвестную должность и дорогу, на которой два войска могли встретиться раньше гонцов.

Потом Зорин сообщил, что в вещах Саввы нашли переводческие заметки. На связке стояла фамилия Глеба.

Он не ответил. Проверил второй ящик, велел заменить промокший войлок и проследил, чтобы Семён не понёс фитили к жаровне. Работа не убирала прошлое, но заставляла смотреть на предмет перед собой, а не на дверь, через которую Савва больше не войдёт.

К вечеру Матвей принёс небольшой свёрток. В пустой приказной избе остались только они. На столе лежал охраненный список, рядом горела одна свеча.

В свёртке были нож, две кисти и счётные палочки. В конце Матвей достал половину дощечки. Край раскололся поперёк выжженной строки. Дерево пахло дымом и лекарственными травами. Савва носил такие дощечки в сумке и записывал слова, которые нельзя доверить памяти.

Глеб прочёл: «Не признавай единственного голоса».

— Вторая половина?

— Не нашли. Вещи лежали в сундуке при лекарской. Печать была цела.

Глеб перевернул дощечку.оборот оставался пустым. Он сравнил почерк со строкой в списке. Записи не совпадали. Слова о пустой линии написал человек, привыкший писать быстро. Савва выводил буквы так, чтобы их понял любой пе-

реводчик.

— Что он имел в виду? — спросил Матвей.

— Если бы хотел объяснить, взял бы дощечку побольше.

— Удобный способ прослыть мудрым после смерти.

Глеб посмотрел на него. Матвей отвёл глаза.

— Прости. Я говорю глупости, когда боюсь.

— Тогда сегодня ты особенно храбр.

Писарь подтянул к себе список и признался, что тёмную строку написали его пером. Перо исчезло в начале месяца, потом нашлось в ящике. Чернила тоже были крепостные, только в них добавили больше соли, поэтому запись ушла глубже в бумагу.

— Соль не заставляет руку неметь.

— Я писарь. Мне спокойнее думать, что у каждой беды есть чернильница.

Глеб провёл пальцем по дощечке. Дерево нагрелось. Он убрал руку, но тепло осталось. На пустом обороте появилась влажная линия. Матвей вскочил и опрокинул песочницу.

Буквы проступали одна за другой, без пера. Сначала тёмные, затем красные. Глеб дождался, пока последнее слово не заняло место у расколотого края.

«Она уже читает другую версию».

Глава 2. Версия для восточного берега

Красная паста на печати ещё сохраняла тепло, когда Ли Шэньюэ коснулась края свитка. Под пальцами прошла слабая судорога. Она отняла руку, и неприятное ощущение исчезло.

Свиток лежал на длинном столе в зале сверки. У двери писец раскладывал таблички полномочий. Двое слуг следили за жаровней у стены, чтобы бумага не отсырела от зимнего воздуха. Ли прижала углы нефритовыми пластинами и снова положила ладонь рядом с последним оттиском.

Судорога вернулась. Её вызвала строка выше печати: условие о вечном исполнении любого решения, которое стороны признают общим.

— Вы нашли ошибку? — спросил Дуань Жун.

Старший посол сидел напротив. Перед ним стояла чашка, к которой он не притронулся. Он не любил ждать и ещё меньше любил показывать это людям.

— Пока только место, где ошибка может появиться.

Фань Вэньсю поднял глаза от своей копии. Он был одет проще старшего посла, но табличка главного переводчика лежала ближе к центру стола. Все в зале знали, чьё слово станет официальным, если проверка закончится без возра-

жений.

Ли указала на промежуток между двумя строками. Его ширины хватило бы для одного ряда знаков. На случайную ошибку писца это не походило: свободное место тянулось по всей длине листа.

— Рукав мог задеть свежие чернила, — сказал Фань.

— Тогда писец оставил бы зазор и в других местах.

Писец у двери спрятал руки в рукава. Дуань Жун посмотрел на свиток и спросил, меняется ли смысл договора. Ли ответила, что пока нет. Он разрешил продолжать проверку.

Она подняла лист к свету. Волокна возле печатей и у края совпадали. Бумага принадлежала одной партии. Нижний оттиск поставила канцелярия, верхний — посольское управление. Красная паста легла без повторного нажима. Следов подделки не было.

Безупречность документа не оставляла простой точки для проверки. Подделка дала бы понятное направление проверки; здесь требовалось выяснить, кому понадобился безошибочный официальный текст.

По правилам зала каждый оттиск проверяли дважды: сперва по рисунку, затем по положению на листе. Второй писец ставил рядом малую метку, подтверждая, что печать принадлежит названной должности. Здесь обе метки были на месте. Ли насторожило, что опасное условие внесли внутрь официального текста.

Фань подвинул к ней дощечку со спорной формулой. Рус-

ское слово в черновике допускало три перевода. Первый ограничивал обязанность сроком. Второй не позволял одной стороне прекратить её без согласия другой. Третий связывал обещание с должностью, а не с человеком.

— Какой вариант выбрали вы? — спросила Ли.

— Второй. Он короче и не допускает одностороннего отказа.

— Поэтому он опаснее остальных.

— Поэтому он удержит перемирие, когда один из командиров решит, что ему выгоднее продолжить войну.

Дуань Жун спросил, зачем им обсуждать три смысла, если в свиток вошёл один. Фань пояснил спокойно: первый позволил бы тянуть время до конца срока, третий передал бы старое обещание любому новому чиновнику. Второй заперал обе стороны в одном решении.

Ли слушала внимательно. Фань понимал не только язык. Он видел, как слово переживает человека и должность. Именно поэтому его требование единственного перевода было опасным.

— Вы считаете второй вариант лучшим? — спросила она.

— Я считаю его пригодным для переговоров.

— Это не одно и то же.

— На границе разницу обычно замечают после первого выстрела.

Дуань поставил чашку на стол и напомнил, что отряды выйдут к одному речному изгибу весной. Если каждая сто-

рона привезёт собственный смысл, договор не остановит ни одного командира.

— Перевод должен быть один, — сказал он. — На берегах и без того достаточно людей, которые понимают приказ по-своему.

— Единственный переводчик тоже понимает его по-своему, — ответила Ли.

Фань не обиделся. Он взял кисть и отметил спорную строку маленькой точкой. Этот жест был аккуратнее возражения.

Ли проверяла договор по четырём вопросам, которым её учили в клане. Что именно приказано? Кого выводят из общего правила? Какую цену платят при исполнении? Кто получает выгоду? Первые три ответа в свитке были. Четвёртый заменили словом «мир».

Она провела ногтем вдоль свободного промежутка. Бумага здесь была холоднее. Такой след возникал, когда формулировка оставляла место для условия, которое ещё не признали. Печать не действовала при чтении. Ей требовался человек с полномочием, готовый подтвердить смысл.

— Кто получает право требовать вечного исполнения? — спросила Ли.

— Обе стороны, — ответил Дуань.

— Тогда назовите их.

Он назвал посольства, воевод и назначенных ими людей. Ли объяснила, что это исполнители. Её интересовал тот, кому достанется право распоряжаться обязательством, если

обе стороны признают его неотменимым.

Дуань Жун немного помолчал.

— Выгодоприобретателем является мир.

— Заложников принимают люди, и грамоты предъявляют тоже они.

— Люди делают это от его имени.

Он произнёс фразу без насмешки. Дуань посмотрел на переводчика, но возражать не стал.

Ли спросила, кто заверял соответствие русской версии. Фань сообщил, что черновик прислал посредник с северной дороги. В реестре вместо имени стояла должность: переводчик общего мира.

Такой должности не существовало в придворных списках. Отдельного мандата тоже не было. Неизвестный человек подготовил соответствия для двух держав, а теперь обеим предлагали признать работу точной.

— Мы выезжаем через шесть дней, — сказал Дуань. — Перед нами единственный полный перевод. Если найдёте лучший, я его рассмотрю.

— Проверить этот текст не значит признать его единственным.

— Без признанного перевода переговоры превратятся в обмен угрозами.

— С переводом угрозы просто легче переписать в чистовик.

Писец у двери опустил голову, скрывая улыбку. Дуань раз-

решил ему выйти и дождался, пока дверь закроется.

Фань придвинул Ли лист полномочий. В нём её признавали экспертом по печатям от имени клана Ли. Формулировка открывала доступ к государственным документам, но это право могло исчезнуть после одного уточнения: уничтоженный клан больше не состоял в действующем реестре.

Ли перечитала строку дважды. Она не хотела снова входить в чужую систему через имя рода, который потеряла и которому больше не доверяла полностью.

— Я буду сопровождать делегацию как независимый эксперт.

Дуань напомнил, что её право основано на клановой печати. Ли предложила оформить полномочие на её имя. Старший посол спросил у Фаня, возможно ли это.

— Возможно, если определить независимость, — ответил переводчик. — Независимость от посла, от переводчика или от прежних обязательств клана?

— От единственной версии договора.

Фань кивнул. В его лице ничего не изменилось, но Ли поняла: именно такого ответа он ждал.

Он предупредил, что независимый эксперт обязан проверять все версии, признанные сторонами, и не сможет отказаться от неудобного текста. Ли согласилась. По крайней мере в этом документе опасные условия были названы прямо.

Дуань дал ей право сопровождать делегацию до завершения сверки. Если проверка задержит выезд, окончательное

решение останется за ним. Ли приняла условие. Так её допуск зависел от пользы, которую определял старший посол, а независимость — от формулировки главного переводчика.

Обычный запрет можно было оспорить. Здесь разрешение выглядело удобным, но каждое слово ограничивало её свободу.

Фань попросил её подтвердить спорную формулу. Ли повторила смысл без украшений. После общего признания условие нельзя прекратить односторонне. Обязанность переходит к назначенным исполнителям, срок не указан.

— Смысл передан верно? — спросил Фань.

Если она скажет «да», профессиональное признание может заполнить оставленное место. Но без проверки она не поймёт, чего ждёт условие.

Ли положила ладонь рядом с пустым промежутком.

— Формулировка соответствует заявленному смыслу. Исключение для отказа отсутствует. Цена не названа. Выгодоприобретатель скрыт.

Бумага под рукой нагрелась. Ли хотела убрать ладонь, но Фань прижал пальцами край свитка, не касаясь её кожи. Он не мешал ей отступить. Он не дал листу свернуться от тепла.

В свободном промежутке выступила красная точка. Она растянулась в черту и разделилась на знаки. Кровь не текла поверх бумаги. Она проявлялась внутри волокон там, где Ли признала смысл и назвала недостающие части условия.

Фань прочёл строку первым. Его лицо не изменилось, од-

нако большой палец сильнее прижал край листа.

— Уберите руку.

Ли отняла ладонь, но жжение осталось, а красные знаки не исчезли.

«Исполнение принадлежит послу, не внесённому в людские реестры».

Дуань поднялся и потребовал объяснений. Фань прикрыл строку чистой дощечкой, сказав, что бумагу нужно проверить. Ли поняла причину: он не хотел, чтобы старший посол подтвердил новую формулу вслух и дал ей больший вес.

Это решение было разумным, хотя доверия к Фаню не прибавило.

Ли попросила отдельную комнату и копию повреждённого участка. Дуань спросил, нашла ли она действие печати.

— Я нашла условие, которое нельзя проверять при случайных свидетелях.

Он закрыл крышку чернильницы и подошёл к столу. После ухода писца в зале остались только трое.

Фань убрал дощечку. Дуань прочёл красную строку молча.

— Кто этот посол?

— Строка называет должность, а не имя, — ответила Ли.

— Это может быть человек без законного статуса или должность, созданная для договора. Данных пока недостаточно.

— Отмените признание.

Ли покачала головой. Она не знала, можно ли прекратить

действие признанного смысла, и не собиралась испытывать это на полном договоре. Фань заметил, что строка появилась после её профессионального подтверждения.

— Я признала соответствие формулировки заявленному смыслу, — сказала Ли.

— Для Печати Кодекса этого хватило.

Значит, профессиональное подтверждение смысла считалось действием стороны: Печати хватило признания, что слова означают именно то, что в них вложили.

Дуань Жун вернулся на место.

— Нам нужна русская версия.

— Она на Амуре.

— Одна копия — да, — ответил Фань.

Он велел принести дорожный ларец. На замке висели две бирки: знак канцелярии и пустая деревянная пластина без имени. Фань разрезал шнур и вынул свёрнутый лист.

Дуань спросил, почему не видел его раньше. Переводчик пояснил, что это рабочий материал, не включённый в посольский реестр. До появления кровавой строки копия не имела официального значения.

— Вы умеете выбирать момент для правды, — сказал Дуань.

— Неверно выбранный момент меняет смысл.

Ли не коснулась листа. Русские знаки шли в одном столбце, рядом стояли китайские соответствия. Печати не было, только помета о будущей сверке.

Фань сообщил, что копия пришла с северным караваном месяц назад. Официальный русский проект ещё не доставили на Амур, но порядок строк здесь был сохранён.

Он развернул лист рядом с китайским свитком и нашёл формулу о вечном исполнении. Ли сравнила оба текста.

В китайской версии свободное место шло после условия о признании. В русской копии такой же промежуток находился ниже — между словами об исполнителях и сроке.

Смысл совпадал. Место для скрытого условия — нет.

Фань положил палец между русскими строками и посмотрел на Ли. За стеной снова закрипело перо. Писец продолжал работу, не зная, что на столе лежат две версии одного договора, а кровь выбрала в них разные места.

Глава 3. Слова на санном пути

Новая зарубка на оглобле появилась там, где дерево должно было гнуться на спуске. Глеб заметил её, когда передние сани пошли быстрее лошади. Зарубка была свежей: из надреза выступил светлый сок, прихваченный морозом.

— Вправо, к борту! — крикнул он вознице.

Возница дёрнул вожжи. Лошадь рванулась к снежному валу, но левая постромка лопнула. Оглобля ушла вниз, сани развернуло поперёк колеи. Ящик с русским проектом договора ударился о борт, кожаные ремни натянулись и выдержали.

Вторые сани шли следом. Глеб успел схватить Семёна за ворот и сбросить с передка в снег. Сам прыгнул после него. Пустой передок вторых саней врезался в бок первых, дерево треснуло, лошадь упала на колени.

— Не вставай!

Семён лежал лицом в снегу и ругался в рукав.

— Я и не собирался. Тут мягче, чем на службе.

Позади остановился третий воз. Курьер Фёдор Лаптев прижимал к груди сумку с дорожными грамотами. По приказу Зорина проект следовало сохранить даже ценой курьера. Глеб обещал охранять людей. Сейчас два обязательства сошлись на одном спуске.

Из леса вышли трое в войлочных масках. Один поднял

дощечку с выжженным знаком дороги. Второй перерезал верёвку, которая связывала задние сани с грузовым возом. Третий пошёл к курьеру.

— Дорога признаёт только посла, — произнёс человек с дощечкой.

Слова прошли по ледяной колее серым налётом. Снег у обочины остался белым. Семён поставил ногу на вал и тут же вскрикнул: сапог дёрнуло назад. Колено ударилось о лёд.

— Назови себя, — потребовал человек в маске.

— Стрелец Семён Белов.

Серая полоса поднялась ему до щиколотки. Он попробовал отползти в снег, но ногу прижало к колее сильнее.

Игнат выхватил саблю.

— Игнат Собакин, крепостная охрана!

Его сапоги прилипли к дороге. Сабля отскочила от серого льда.

Глеб не назвал имени. Из-за саней он увидел у нападавшего свёрток размером с дорожный пакет. Значит, нападавшие собирались подменить бумаги.

— Фёдор, сумку под себя! — приказал Глеб.

Курьер спрыгнул с саней, но поскользнулся. Нападавший схватил его за плечо и потянул к краю колеи. Фёдор ударил его лбом в маску. Оба упали рядом с полозом.

Человек с дощечкой повторил формулу. Серый налёт прошёл под санями. Лошади заржали: условие добралось до всего обоза.

Глеб вытащил из-под груза длинную верёвку. Один конец обвязал вокруг оси перевернутых саней, второй бросил Семёну.

— Петлю под мышки. Ногу не дёргай.

— Она сама меня не отпускает.

— Значит, договоритесь без меня.

Семён затянул петлю. Глеб упёрся сапогами в снежный вал и потянул. Верёвка натянулась, перевернутые сани сдвинулись на ладонь. Серый налёт на колее дрогнул. Условие связывало людей с дорогой, но не удерживало дерево, если его тянули за пределами колее.

Игнат понял первым. Он сел на лёд, обхватил полоз и помог развернуть сани. Те поползли к обочине, таща Семёна за собой. Сапог вырвался из серой полосы вместе с куском подмётки. Семён оказался в снегу, живой и злой.

— Вернёшь казне сапог, — сказал Игнат.

— Пусть дорога платит. Она первая начала.

Нападавший у курьера вырвал сумку. Фёдор вцепился в ремень, но получил рукоятью по виску. Кровь потекла к уху. Глеб бросил верёвку Семёну и пошёл по снежному валу, не ступая на колею.

Человек с дощечкой повернулся к нему.

— Назови себя.

— Сначала ты.

— Здесь спрашивает посол.

— Тогда покажи грамоту.

Пауза выдала сомнение. Пока люди принимали владельца дощечки за посла, условию не требовалась настоящая грамота.

Глеб нагнулся, подхватил обломок оглобли и бросил под ноги человеку у курьера. Тот отшатнулся. Фёдор дёрнул сумку к себе, ремень лопнул, бумаги рассыпались по льду.

Нападавший кинул поддельный свёрток рядом с настоящим.

Глеб прыгнул со снежного вала. Сапоги коснулись серой полосы, и колея сразу сжала ступни. Холод пробрал до костей. Серая полоса поднялась выше: имени не было, и правило определяло его по роли.

— Охранник, — сказал человек с дощечкой. — Дорога признаёт тебя слугой посла.

Серая полоса поднялась до колен.

Глеб опустился на колено и схватил деревянную бирку. На обороте были выжжены слова «путь», «имя», «посол», «подчинённый», соединённые бороздой старой крови.

Правило стало понятным: владелец бирки считался послом, а назвавший себя на колее — его подчинённым без права сойти с пути.

Глеб сжал бирку. Узел открылся изнутри, и пришла цена. Он вспомнил первую заставу, её башни и караульных, но дорога к воротам начала исчезать. Поворот у берёзы и низкий мост стёрлись, оставив разрозненные факты.

Он мог отпустить бирку и сохранить память, но тогда на-

падавшие ушли бы с подменённым листом. Глеб вдавил палец в выжженную борозду.

— Владелец без грамоты не посол.

Дерево треснуло. Серая полоса на колее разошлась у его колена. Нападавший попытался вырвать бирку, но Глеб потянул её на себя. Узел не выдержал двух владельцев. Дощечка сломалась пополам.

Колея отпустила ноги.

Последний участок пути к заставе исчез из памяти. Глеб помнил ворота, но не знал, с какой стороны к ним подъезжали.

Человек в маске ударил первым. Глеб прикрылся обломком бирки, пропустил лезвие мимо плеча и толкнул противника в грудь. Тот отступил на лёд. Под каблуком пошла трещина.

— Не двигайся.

— Ты сломал право дороги.

— Лёд об этом не знает.

Трещина побежала к середине притока. Нападавший замер. Глеб выбил нож из его руки и ударил обломком оглобли по запястью. Человек упал на колени.

У курьера схватка закончилась иначе. Фёдор лежал возле полоза, прижимая ладонь к виску. Его противник успел подобрать один из свёртков и бросился вниз по спуску. Семён метнул верёвку. Петля легла нападавшему на плечи. Игнат дёрнул вместе с ним, человек упал и проехал по колее до

треснувшего льда.

Третий, оставшийся в лесу, выстрелил из лука. Стрела вошла в борт саней возле головы Семёна. Глеб увидел движение между соснами, но преследовать не стал. На спуске лежали раненые, а лёд под передними санями продолжал трещать.

— К лесу не ходить! — приказал он. — Сначала людей и бумаги.

— Он уйдёт, — сказал Игнат.

— Один живой у нас есть. Второго вытащи из петли, пока он не утонул.

Человек у трещины попытался подняться. Лёд просел. Семён лёг на живот и пополз к нему, разматывая верёвку. Глеб закрепил конец за санями. Вместе они вытащили нападавшего на снег. Тот кашлял, левая рука висела плетью.

Фёдор сел, но сразу побледнел. Рана на виске оказалась неглубокой, зато правое запястье распухало. Глеб ощупал кость. Перелома не нашёл, однако курьер не мог сжать пальцы.

— Сумка? — спросил Фёдор.

— Здесь.

— Приказ велел сохранить пакет.

— Тебя он тоже пока сохранил.

— Обо мне в приказе ничего не было.

— Потому и выжил.

Фёдор засмеялся и поморщился от боли.

На льду лежали два одинаковых свёртка. Печати на обоих выглядели правильно. Глеб не тронул их голыми руками. Велел Игнату принести щипцы из ремонтного ящика и две чистые холстины.

Семён сел рядом и показал сапог без половины подмётки.

— До заставы так дойду?

— Дойдёшь. Вопрос — какой частью ноги.

— Хорошо, что вы умеете обнадёжить.

— Иначе меня сделали бы писарем.

Они перенесли бумаги на снежный вал. Настоящий пакет отличался только узлом: Матвей завязал шнур влево, потому что правая кисть у него уставала после долгого письма. На поддельном узел был зеркальным. Глеб не стал вскрывать ни один. Пометил холстины углём и приказал Фёдору назвать настоящий пакет при свидетелях.

Курьер указал на левый. Игнат и Семён подтвердили выбор. Лишь после этого Глеб вернул пакет в сумку и перевязал её новым ремнём.

— А второй? — спросил Семён.

— Повезём отдельно.

— Может, там бумага лучше.

— Тогда Зорин расстроится, что мы не подписали её на месте.

Передние сани потеряли полоз, лошадь рассекла колено о накладку. До заставы оставалось меньше дня, но обоз застрял.

Груз перенесли на два уцелевших воза. Ящик с договором обвязали через днище, Фёдора уложили рядом. Лошади промыли рану и наложили холст.

Двух пленников связали раздельно. Тот, чья рука пострадала у трещины, почти не говорил. Владелец бирки наблюдал за Глебом через прорезь маски.

— Сними, — приказал Глеб.

Пленник не двинулся. Игнат сорвал с него войлок. Под маской оказался мужчина лет сорока с обычным обветренным лицом. На подбородке заживал порез. Ни татуировки клана, ни служебного знака.

— Имя?

Мужчина сжал зубы.

— На дороге ты охотно требовал имена.

— Там у меня было право.

— Деревяшка.

— Людям часто хватает деревяшки.

Глеб обыскал его. Нашёл костяную иглу, складной нож и маленькую книжицу в промасленной коже. В ней русские слова стояли рядом с китайскими знаками. Несколько соответствий были зачёркнуты, над ними вписали новые.

Почерк Глеб узнал. Матвей Тихонов выводил букву «д» с длинной нижней петлёй и всегда теснил последнюю строку к краю листа. Так было и здесь.

Семён заглянул через плечо.

— Наш писарь?

— Похожий почерк.

— У Матвея один почерк. Второй ему жалованье не позволяет.

Глеб закрыл книжицу. Матвей оставался в крепости и сам перевязывал пакет. Глоссарий могли украсть раньше. Пока против Матвея было только совпадение почерка.

— Зорину покажем? — спросил Игнат.

— Покажем книжицу. О почерке пока молчи.

Игнат нахмурился.

— Он глава посольства.

— Поэтому получит факт, а не нашу догадку.

— А если писарь связан с ними?

— Тогда за десять дней он мог уехать дальше, чем наш обоз. Но почему-то остался ждать.

Игнат принял ответ без радости. Его доверие не стало слепым, и Глебу это подходило.

Они двинулись через два часа. Сломанные сани оставили у спуска под знаком крепости. Семён повёл раненую лошадь, обмотав сапог сыромятным ремнём.

Глеб сел на край последних саней. Дорога впереди казалась чужой. Он узнавал лес, помнил, что за притоком должен быть подъём, но не мог связать места в один маршрут. Когда колея разделилась, он машинально указал вправо.

Проводник остановил лошадь.

— Застава налево.

Глеб посмотрел на обе дороги: правая казалась знакомой,

левая не вызывала ничего.

— Почему молчал? — спросил он.

— Думал, проверяешь меня.

— С этого места не думай. Веди.

Проводник свернул налево. Глеб больше не советовал, куда ехать. Цена оказалась практической: он потерял знакомый маршрут и навык, нужный каждый день. На обратном пути без проводника он не найдёт даже знакомую заставу.

К сумеркам они добрались до зимовья. Гонец повёз Зорину сообщение о нападении, пленных и задержке. О почерке Глеб не написал.

Игнат прочёл донесение перед отправкой.

— Про книжицу ни слова.

— Она поедет со мной.

— Зорин спросит, почему мы скрыли часть находки.

— Скажу: потому что почерк ещё не доказательство.

— А если Матвей успеет уйти?

— Тогда его остановят у ворот. Я попросил гонца передать отдельный приказ начальнику караула.

Игнат вернул дощечку.

— Выходит, Зорину не доверяешь, а караулу доверяешь?

— Я доверяю воротам. Они хотя бы стоят на месте.

— После сегодняшней дороги это сильный довод.

Пленников развели по разным сараям. Фёдору перевязали голову, лошадь поставили в стойло. Пакет сохранили, но обоз потерял сани и день пути.

Ночью Глеб начал допрашивать владельца бирки. На стол положил сломанную дощечку, поддельный свёрток и глоссарий.

Пленник посмотрел на сломанную бирку.

— Вы знали, что поеду этим путём?

Он промолчал.

— Бирку готовили под моё имя?

Мужчина отвёл глаза к стене.

— Молчание тебе разрешили, — сказал Глеб. — Чужое имя произнести не дают. Значит, хозяин боялся не допроса, а правильного вопроса.

— У меня нет хозяина.

— Хорошо. Назови нанимателя.

— Кто дал тебе этот список?

Пленник посмотрел на книжицу. Губы шевельнулись.

— Глеб Воронец.

Глеб не изменил позы.

— Кто приказал заменить пакет?

Мужчина напряг шею, пытаясь вытолкнуть другое имя.

— Глеб Воронец.

Игнат подошёл ближе.

— Он издевается?

— Нет. Ему мешает условие.

Глеб перевернул сломанную бирку. На внутреннем скеле проступила новая борозда. Правило дороги разрушилось, но перед распадом связало имя заказчика с именем челове-

ка, который сломает узел. Нападавшие заранее знали, кого встретят на этом пути.

Он медленно повторил вопрос:

— Назови человека, которому должен был передать настоящий лист.

Пленник зажмурился. Из носа пошла кровь. Он открыл рот и произнёс то же имя полностью, без ошибки и запинки:

— Глеб Воронеж.

Глава 4. Переводчик с двумя печатями

Первый оттиск признал Фаня главным переводчиком, второй — хранителем северных договоров. Когда Ли Шэньюэ положила между ними копию дорожного реестра, две служебные строки потемнели одновременно. Бумага подтвердила обе должности, хотя в одном году их не мог занимать один человек.

За окном прозвучал колокол. Станционный смотритель торопил обозных: метель должна была прийти к вечеру, а до следующего двора оставалось полдня пути. Во дворе кричали возницы, лошади били копытами по насту. В комнате реестров было тесно и жарко. Снег на сапогах таял, вода стекала под скамьи.

Фань Вэньсю сидел у стены и просматривал дорожные грамоты. Его не беспокоило, что Ли проверяет его полномочия. Он сам передал ей обе печати и назвал ящик, где лежал нужный реестр.

Переводчик либо не сомневался в своей правоте, либо заранее включил проверку в расчёт.

Ли повернула первый оттиск к окну. Резчик выбрал глубокие линии. На краях знаков остались мелкие сколы, которые появлялись после долгой службы. Вторая печать выгля-

дела старше по форме, но дерево сохранилось лучше. Её изготовили намного позже.

— Чэнь Мэй, — позвала Ли. — Подойдите.

Молодая архивистка сидела за соседним столом и переписывала список кормовых запасов. Она отложила кисть, закрыла чернильницу и подошла, не задавая вопросов.

Ли накрыла названия должностей полосками бумаги.

— Сравните резьбу. Имена не читайте.

Чэнь Мэй осмотрела первый оттиск через костяную пластину с узкой прорезью. Затем провела краем листа по углублениям второго.

— Эту печать вырезали раньше, — сказала она, указывая на первую. — Ею часто пользовались. Вторую сделали недавно, но мастер копировал старую форму.

— Насколько недавно?

— Два года. Может, три. Дерево ещё не дало усадки в середине знака.

Фань перевернул страницу дорожной грамоты.

— Смелый вывод для человека, который не видел самих печатей.

— По оттиску тоже можно определить возраст, — ответила Чэнь Мэй, — если нажимали один раз и не исправляли пасту.

— Здесь исправляли?

— Нет.

Ли убрала полоски. Чэнь прочла должности и нахмури-

лась.

Первый оттиск заверял Фаня как главного переводчика северного посольства. По реестру эту должность он получил семь лет назад. Вторая печать принадлежала хранителю договоров восточных застав. Её запись появилась двадцать два года назад и относилась к чиновнику с тем же именем, но другой датой рождения.

— В то время он ещё не родился, — сказала Чэнь.

— Вы уверены?

— Если вам не шестьдесят.

Фань поблагодарил её и объяснил: старое ведомство переводили как «хранителя договоров», «толкователя пограничных грамот» и «главного переводчика северного пути». После смены управления реестр мог сохранить сведения прежнего чиновника.

— Тогда почему сохранили имя? — спросила Чэнь.

— Караваны знали его как название должности.

Ответ не устранял противоречие. Для законной передачи требовался отдельный акт, которого в реестре не было.

Ли придвинула к себе чистый лист.

— Кто подтвердил вторую печать?

— Проверяющий на северной дороге. Он умер восемь лет назад.

— Тогда передо мной запись, которая ссылается на саму себя.

Фань предложил выбрать любой оттиск: признанный ста-

нет действующим, второй объявят устаревшим переводом должности.

Ли поняла, зачем он не скрывал расхождение. Ему требовалось не доказательство первенства, а решение проверяющего.

Так работала и Печать Кодекса: власть слову давал подтверждённый смысл, независимо от происхождения.

— Вы предлагаете мне изготовить вам полномочие, — сказала Ли.

— Я предлагаю закончить проверку.

— Вы понимаете разницу.

— Именно поэтому предлагаю вам.

За дверью слышались быстрые шаги. В комнату вошёл Дуань Жун. На плечах его плаща лежал снег. Старший посол снял перчатки и положил на стол запечатанную дощечку.

— Караван уходит через час. Если задержимся, ночевать будем здесь.

Станционный смотритель, стоявший у двери, поклонился.

— К вечеру перевал закроет снегом. Завтра снег поднимется выше осей.

— Значит, выедем через час, — сказал Дуань.

Он увидел две печати и нахмурился.

— Проверка закончена?

— Нет, — ответила Ли.

— Что мешает?

— У главного переводчика два несовместимых полномо-

чия.

Дуань посмотрел на Фаня.

— Утром вы сказали, что документы в порядке.

— Они в порядке. Госпожа Ли решает, какой порядок считать действующим.

— Мне нужен переводчик, а не задача для архивистов.

— Тогда выберите сами, — предложила Ли.

Дуань не притронулся к оттискам.

— Я не нанимался резать печати.

— Но готовы признать одну из них.

— Я готов довести посольство до Амура до весенней воды.

Фань развернул дощечку, принесённую старшим послом. На ней стоял знак срочного донесения с северного пути.

Дуань велел читать вслух.

Фань снял шнур и просмотрел первые строки. Его лицо осталось спокойным, но он замедлил движение на середине текста.

— Нападение на русский посольский обоз, — сообщил он. — Десять дней после выхода из крепости. Двое нападавших взяты живыми. Один скрылся.

Ли подошла ближе.

— Договор похищен?

— Нет. Русская сторона сохранила пакет.

— Что пытались заменить?

Фань перечитал перечень найденного. Поддельный свёр-

ток, дорожная бирка и малый глоссарий русских соответствий. В донесении отмечалось, что договор нападавших почти не интересовал.

Чэнь Мэй подняла голову.

— Они напали ради словаря?

— Возможно, хотели изменить перевод, — ответил Дуань.

— Тогда проще было заменить договор, — сказала Ли.

— Договор сравнят по печатям, — заметил Фань. — Глоссарий считают рабочим инструментом. Его исправление вызывает меньше вопросов.

Ли попросила показать донесение. Внизу стояло примечание: в книжице обнаружены русские слова, совпадающие с закрытым посольским списком. Почерк составителя не называли.

— У кого была копия глоссария? — спросила она.

— У русского писаря и у посредника, готовившего соответствия, — ответил Фань.

— Имя посредника?

— В нашем акте стоит должность.

— Переводчик общего мира?

Фань кивнул.

То же название сопровождало русскую копию, которую он показал в зале сверки. Человек без имени подготовил соответствия, а теперь люди на северной дороге пытались завладеть не самим договором, а правом объяснять его слова.

Дуань забрал донесение.

— Обсудим в пути. Сейчас решите вопрос с печатями.

Ли снова открыла реестр. Фань проходил в нём под двумя должностями, разделёнными пятнадцатью годами, но подтверждёнными одним станционным знаком.

Чэнь Мэй принесла старый каталог северных служб. Кошечка расплзался, нити вышли наружу. Отдельного хранителя договоров там не было.

— Ищите прежнее название, — предложил Фань.

— Я ищу функцию, а не удобное слово.

Дуань напомнил, что до выезда осталось меньше часа. Чэнь перелистнула ещё несколько страниц и нашла ссылку на прежний сборник в нижнем архиве.

Смотритель заявил, что северную дверь занесло снегом. Чэнь предложила пройти через кладовую для упряжи, где внутренний проход перекрывали мешки с овсом и тяжёлый сундук.

Дуань дал им четверть часа. Архивистка первой протиснулась между мешками, Ли пошла следом. В кладовой пахло пылью, мышами и старой кожей.

Двое возниц сдвинули сундук на пол-ладони. Один заметил, что архивы весят больше зерна и приносят меньше пользы.

— Зерно редко доказывает, что человек родился после собственной службы, — ответила Чэнь.

— Оно хотя бы не требует печати перед едой.

В нижнем архиве было холоднее, чем во дворе. Книжки сто-

или в деревянных коробах, защищённых от сырости. Чэнь быстро нашла нужную метку.

Сборник дорожных правил оказался старше реестра. На полях прежние смотрители отмечали грамоты посольских караванов. Ли раскрыла книгу на разделе северных переправ.

Первые страницы описывали плату за смену лошадей. Дальше шли правила пропуска переводчиков. В одной записи упоминался «Кодекс посла Яо Чжэня», по которому служащий мог заверять договор без отдельного поручения, если обе стороны признали его толкование.

Ли прочла дату.

Сборник составили больше ста лет назад.

— У нас есть биография Яо Чжэня? — спросила она.

Чэнь вспомнила запись в основном каталоге. Яо Чжэнь служил при прежнем управлении и родился через двадцать девять лет после составления этого сборника.

Фань появился в дверях. Он принёс фонарь и не выразил удивления, увидев открытую страницу.

— Нашли старое название службы?

— Нашли автора, которого процитировали раньше его рождения, — ответила Ли.

Фань поставил фонарь рядом с книгой.

— Дату могли перенести неверно.

— Или имя добавили позднее.

— Это тоже возможно.

— Вас не беспокоит ни один вариант?

— Меня беспокоит договор, который должны заключить живые люди. Ошибки умерших писарей полезны только до тех пор, пока помогают понять действующее правило.

Ли указала на строку Кодекса.

— Эта ссылка подтверждает вашу вторую должность.

— Поэтому вы можете её признать.

— Она старше биографии автора.

— Значит, биография ошибочна.

— Или автора не существовало.

Фань поднял фонарь и осветил запись.

— Если должность действовала сто лет, имеет ли значение, как звали первого человека?

— Имеет, если должность получает право говорить за обе стороны.

Фань не стал возражать. Он закрыл сборник, оставив па-лец между страницами.

— Караван выезжает.

Когда они вернулись, Дуань уже стоял в дорожном плаще, а слуги выносили последние ящики. На столе остались две служебные печати и чистый акт проверки.

— Ваше решение? — спросил старший посол.

Ли взяла кисть.

Фань положил перед ней первый оттиск.

— Главный переводчик северного посольства.

Затем подвинул второй.

— Хранитель договоров восточных застав.

Если Ли признает один, реестр немедленно подтвердит выбранную должность. Вторая запись отойдёт в прошлое. Противоречие исчезнет не потому, что его разрешили, а потому, что проверяющий назначил версию.

Ли написала в акте, что обе печати соответствуют действующим записям, но подтверждают разные полномочия и относятся к несовместимым биографиям. Ни одна не признана единственной. Оба оттиска подлежат отдельной проверке в крепостном архиве.

Красная паста на печатях потемнела. Линии первого оттиска сохранили чёткость. На втором проявился знак прежней службы. Условие приняло её формулировку: обе должности остались действительными, но спорными.

Фань прочёл акт.

— Вы не решили вопрос.

— Я не позволила вопросу решить себя.

Дуань взял лист и долго смотрел на последнюю строку.

— До прибытия в крепость вы не получите основной свиток без моего разрешения.

— Почему?

— Потому что независимая проверка не должна задерживать весь караван.

— Тогда она зависит от удобства посольства.

— Теперь вы понимаете, почему это слово требовало определения.

Фань произнёс фразу спокойно. Ли взглянула на него и увидела, что он ожидал именно такой цены.

Дуань поставил под актом свой знак.

— Копии и дорожные реестры можете изучать. Основной текст будет у Фаня.

Так Ли сохранила право сопровождать делегацию, но потеряла свободный доступ к договору. Отказ выбрать единственную печать сделал её полезной свидетельницей и неудобным экспертом.

Во дворе обоз тронулся. Ветер гнал снег вдоль стен. Чэнь Мэй догнала Ли у саней и помогла закрепить короб со сборниками.

— Госпожа Ли, я нашла ещё одну запись.

— О какой должности?

— О Яо Чжэне.

Чэнь оглянулась на Фаня, который садился в передние сани, и понизила голос.

— В другом дорожном сборнике указана его смерть. Он умер за семьдесят лет до собственного рождения.

Глава 5. Встреча по протоколу

Лёд у пристани потемнел возле свай. Между берегом и причалом лежал настил шириной в три шага, и Глеб заранее убрал с него стрельцов. Двум вооружённым отрядам там было бы тесно даже при добрых намерениях.

Русские ждали за воротами. На настиле остались Семён и двое людей без ружей. Глеб встал у поперечной меловой черты, которую провели утром.

Утром Зорин передал Глебу дощечку и велел прочесть её без Матвея. В ней было одно распоряжение: русская сторона должна первой огласить проект, а любое совместное чтение считалось уступкой.

— Почему это не внесено в протокол? — спросил Глеб.

— Потому что протокол увидят гости.

— Тогда это не порядок встречи, а ловушка.

— Это защита нашей версии. Первый прочитанный текст станет основой для разногласий.

— Значит, спор начнётся раньше границы.

Зорин забрал дощечку и бросил её в жаровню. Дерево почернело, но последняя строка сохранилась до тех пор, пока он не произнёс:

— Приказ понял?

Глеб ответил, что услышал. Признать, что принял приказ, он отказался. Зорин заметил разницу и продолжил по про-

токолу.

Теперь у пристани Глеб видел, как подготовка превращалась в действие. Пахомову поручили не уступать оружие, Зорину — чтение. Если восточная сторона получила такие же распоряжения, даже правильный поклон мог стать признанием чужого старшинства.

За ночь вода поднялась на ладонь. Нижняя доска настила ушла под лёд, и Семён прибил сверху новую. Глеб проверил гвозди каблуком.

— До вечера простоит.

— А завтра?

— Завтра у неё будет право развалиться по погоде.

— Запиши формулировку. Послам пригодится.

Семён посмотрел на воду.

— Вы правда думаете, что они договорятся за двенадцать дней?

— Думаю, у реки нет приказа ждать тринадцатый.

— Зачем черта? — спросил Семён.

— Чтобы каждый знал, где начинается чужое право.

— А где кончается?

— Через двенадцать дней узнаем.

Начальник гарнизона Лука Пахомов вышел из ворот в кольчуге под кафтаном.

— Почему людей отвёл?

— Чтобы не перекрывали проход.

— Пусть гости видят силу крепости.

— Стены они и без нас заметят.

Пахомов приказал заставить китайскую охрану сложить всё оружие у пристани. Зорин велел избежать столкновения. Оба распоряжения были ясными, пока их не пришлось исполнять одновременно.

На протоке показались лодки. В первой сидели гребцы. Во второй ехали старший посол Дуань Жун и Фань Вэньсю. Охрана шла следом. Длинные копья лежали вдоль бортов, короткие клинки оставались на поясах.

Последней двигалась грузовая лодка. У кормы стояла Ли Шэньюэ.

Глеб узнал её раньше, чем различил лицо. Плечи напряглись сами. Он перевёл взгляд на причальный канат и велел Семёну тянуть.

— Если посол упадёт в воду, переговоры станут короче,
— сказал тот.

— Поэтому тяни крепче.

Первым поднялся Фань. Он предъявил охранную грамоту и передал её Матвею Тихонову. Писарь ждал у черты с русской копией списка.

За семь недель Матвея не отстранили. Глеб показал Зорину глоссарий после возвращения с заставы, но Матвей уверял, что записи скопировали до нападения. Два листа действительно пропали из канцелярии ещё зимой. Теперь писарь жил рядом с приказной избой и выходил за ворота с охраной. Он называл это повышением: раньше за ним так

внимательно следила только хозяйка постоянного двора, которой он задолжал.

Пахомов шагнул к Фаню.

— Длинное оружие сложить у входа. Короткое тоже.

Матвей перевёл. Китайская охрана осталась в лодках. Двое воинов положили ладони на рукояти. Русские за воротами подняли ружья.

— Что ты сказал? — спросил Глеб у Матвея.

— Что гости обязаны сдать оружие.

— Пахомов сказал «сложить».

— По смыслу одно.

Фань обратился к нему по-русски:

— «Сдать» означает передать право распоряжаться оружием принимающей стороне. После этого ваши гости становятся задержанными.

— Никакие они не задержанные, — сказал Пахомов.

— Тогда нужна другая формулировка.

Фань предложил передать длинное оружие на хранение до выхода из крепости. Короткие клинки оставались знаком служебного достоинства и не покидали ножен.

— Копья всё равно будут у нас, — сказал Пахомов.

— Но останутся их собственностью, — ответил Глеб.

— Разницы нет.

— Тогда вам будет легко записать это.

Семён отвернулся, скрывая улыбку. Пахомов услышал.

— Белов, тебе весело?

— Думаю, сколько расписок понадобится на двадцать копий.

— Двадцать три, — поправил через Фаня китайский пи-сец.

— Значит, уже легче.

Глеб предложил принять длинное оружие по счёту и вернуть при выходе делегации. Короткие клинки разрешалось носить, пока они оставались в ножнах.

Пахомов повернулся к нему.

— Я приказал сложить всё.

— Тогда делегация не сойдёт с лодок.

— Пусть возвращается.

— Охранная грамота обязывает нас её принять.

Пахомов посмотрел на поднятые ружья и людей в лодках. Потом велел Матвею записать, что решение принял Глеб.

— И добавь предел, — сказал Глеб. — Право ношения действует, пока клинок в ножнах.

— Нельзя написать короче?

— Можно. Потом дольше будем хоронить.

Матвей перестал возражать. Фань прочёл русскую запись и дал китайское соответствие. Представители обеих сторон поставили малые знаки.

Меловая черта потемнела от воды, хотя дождя не было. Признанная формулировка закрепилась на месте встречи. Один молодой воин задел рукоять. Клинок вышел на ширину пальца, и его рука опустилась. Он не смог поднять локоть,

пока не вернул оружие в ножны.

Глеб сразу увидел действие печати: знака на металле не появилось, условие лишь определило предел движения.

Ли тоже заметила. Она взглянула на запись в руках Матвея, потом повернула ладонь, показывая, что правило связано с положением клинка, а не с намерением человека. Глеб кивнул.

— Достаточно проверок, — сказал Фань воину.

Посольство начало сходить на настил. Русские не приближались к черте. Китайская охрана шла по двое и сворачивала к отведённой площадке.

Пахомов отозвал Глеба.

— С этой минуты командуешь только в посольском стане. У ворот и на стенах твои распоряжения силы не имеют.

— А на пристани?

— Пока не уйдёт последняя лодка.

Глеб принял ограничение. Спор сейчас дал бы обеим охранам новый повод остаться у воды. Его не отстранили, но власть сузили до территории переговоров.

Фань прошёл мимо.

— Одинаковое движение создало разные права, — сказал он.

— Вы хорошо объяснили.

— А вы хорошо нарушили приказ.

— Значит, оба работаем.

Следом вышел китайский писец с коробом бумаг. Матвей

увидел верхнюю книжицу и побледнел.

— Покажите обложку.

Фань перевёл просьбу. Книжицу поднесли ближе. На промасленной коже стояла царапина в виде кривого креста. Такой же знак был на глоссарии, найденном у нападавшего.

Матвей раскрыл первую страницу. Русские слова были записаны его рукой. Над строками стояли китайские соответствия.

— Это моя рабочая копия, — сказал он.

— Та, что пропала? — спросил Глеб.

— Ранняя. Я передал её посреднику зимой.

— Кому?

— Он представился помощником Фаня.

Фань покачал головой.

— У меня не было помощника на русской стороне.

— У него была ваша табличка, — сказал Матвей.

— Какая?

Писарь описал прямоугольную дощечку с двумя служебными знаками. Фань достал собственную табличку. Она имела другую форму.

— Я мог ошибиться, — признал Матвей. — Было темно. Он назвал должность, которую я встречал в письмах.

— Переводчик общего мира? — спросил Глеб.

Матвей кивнул.

— Почему раньше не сказал?

— Я рассказал Зорину о посреднике.

— Без должности.

— Тогда она казалась обычной. На границе каждый второй называет себя переводчиком, если умеет попросить еду без драки.

Страх Матвея мог объясняться виной или пониманием того, что он сам передал словарь человеку, который подготовил нападение.

— Сколько копий ты сделал? — спросил Глеб.

— Три.

— Раньше говорил о двух пропавших листах.

— Листы были из поздней версии. Эта книжка старше.

— Есть ещё ранние?

Матвей задумался.

— Если считать сожжённую, четыре.

— Сожжённая считается?

— Для пожара — всегда. Для архива — если писарь честный.

Глеб велел ему к вечеру составить перечень копий и людей, которым он их передавал. Матвей попросил бумагу побольше.

На причал поднялся Дуань Жун. Зорин встретил его возле ворот. Ни один не шагнул первым через меловую черту.

Зорин предложил начать с охранных грамот. Дуань через Фаня потребовал права первого чтения для стороны, принёсшей заверенный текст.

Русский проект находился в крепости, китайский раньше

пересёк границу и прошёл дорожную проверку. Каждый посол считал это достаточным основанием читать первым.

Глеб посмотрел на Ли. Она стояла в лодке рядом с последним ларцом и слушала. Спор начался до приветствия. Обе стороны заранее получили указание не уступать первое чтение, хотя официальная программа называла его церемонией.

Ли встретила с Глебом взглядом и чуть качнула головой в сторону черты. Она увидела то же: первый признанный текст мог определить порядок всех последующих толкований.

Зорин предложил одновременно прочесть названия документов. Дуань согласился при условии, что ни одна сторона не признает чужую версию основной.

— Пока признаём только наличие двух бумаг, — сказал Глеб Матвею.

— Для послов это почти дружба.

Первую встречу перенесли в приказную избу. Право первого чтения осталось нерешённым.

Ли сошла на настил последней. На ней был дорожный плащ без знака клана, на поясе — табличка независимого эксперта. Она остановилась перед чертой.

Глеб шагнул навстречу, но остался на своей стороне.

— Госпожа Ли Шэньюэ, крепость подтверждает вашу охранную грамоту и право следовать в посольский стан.

Такое обращение признавало её должность и исключало личную близость.

Ли ответила после короткой паузы:

— Охранник Воронеж, принимаю указанное право в пределах оглашённой процедуры.

Она не назвала его по имени.

— Короткий клинок можно оставить, — сказал Глеб. — Условие действует, пока он в ножнах.

— Я признаю предел ношения оружия на время нахождения в крепости. Иного ограничения передвижения не принимаю.

Меловая линия потемнела под её сапогом. Условие приняло уточнение. Ли перешла черту и остановилась рядом.

Между ними осталось меньше шага. Глеб заметил, что она бережёт правую руку. Ли посмотрела на его левую, проверяя, какую цену он успел заплатить.

— Дорога была трудной? — спросил он.

— Достаточно.

— У нас тоже.

Они двинулись к воротам. Без слов замедлили шаг, чтобы китайская охрана успела свернуть, а русские не оказались перед ней лицом к лицу. Старый навык совместной работы сохранился лучше прежней близости.

У ворот Зорин остановил обе делегации.

— Охранные грамоты действуют двенадцать суток. На рассвете тринадцатого дня полномочия прекращаются.

Фань перевёл. Дуань подтвердил срок.

— После подъёма воды мостки к Посольскому острову

снимут, — продолжил Зорин. — Если договор не будет заключён, делегации вернутся на свои берега. Две колонны получают старые приказы и выйдут к спорному изгибу.

— В тот же день? — спросила Ли.

— Да.

— Значит, срок переговоров совпадает с началом движения войск.

Ни Зорин, ни Дуань не удивились. Оба знали о приказах и оба надеялись получить право первого чтения раньше срока.

Глеб сунул руку в карман. Половина дощечки Саввы нагрелась, когда Ли приблизилась. По старому надрезу прошла трещина.

Он успел вынуть дощечку. Она разломилась на ладони. Один кусок остался со стороны крепости. Второй упал за протокольную черту, возле сапога Ли.

На половине Глеба сохранились слова: «Не признавай».

Ли подняла второй обломок. На нём читалось продолжение: «единственного голоса».

Глава 6. Пробное чтение

Матвей закончил русскую вводную статью, и на бумаге ничего не появилось. Фань Вэньсю прочёл китайскую версию. Пустые промежутки между строками остались чистыми, пока Зорин и Дуань Жун не подтвердили, что смысл совпадает.

Тогда кровь проступила сразу на двух листах.

Она не капнула сверху и не разорвала бумагу. Красные знаки появились внутри волокон, в разных местах каждой копии. На русском листе строка легла перед упоминанием исполнителей. В китайском — после слов о признании общего смысла.

Чэнь Мэй поднесла к красной строке костяную пластину и сняла её без следа. Потом провела по бумаге мягкой тканью. Кровь не размазалась.

— Она не лежит на поверхности, — сказала архивистка.

— Значит, смыть её нельзя, — ответила Ли.

Фань попросил не проверять водой: до конца переговоров у них было только по одному заверенному экземпляру.

Ли Шэньюэ отдёргнула руку от стола. Два пальца онемели, хотя свитка она не касалась.

— Никому не читать новую строку вслух, — сказала она.

Матвей закрыл рот ладонью. Молодой чиновник Алексей Рубец успел наклониться над русским листом, но Глеб оттянул его за плечо.

— Назад, — сказал он. — Глазами тоже можно согласиться быстрее, чем головой.

— Я только хотел разобрать почерк.

— Здесь почерк разбирает людей.

Длинный стол делил зал на две стороны. За окнами лопался весенний лёд, и от ударов дрожало пламя в лампах.

Ли разложила копии параллельно. Одинаковые статьи занимали разное место. Русская версия оставляла свободный промежуток ближе к сроку исполнения, китайская — рядом с подтверждением полномочий. Теперь в каждом промежутке стояла кровавая строка.

— До подтверждения начальниками следа не было, — сказала она.

Зорин проверил порядок чтения. Матвей дважды прочёл русский абзац, Фань произнёс китайский смысл, и до подтверждения начальниками оба листа оставались чистыми. Матвей заметил, что теперь понимает низкое жалованье писцов: опасное они читают первыми.

Дуань Жун решил, что вместе с открытой статьёй они могли признать скрытую. Ли поправила его. Послы подтвердили совпадение известного смысла, однако для Печати Кодекса профессиональной сверки оказалось достаточно. При наличии полномочий она получила силу политического согласия.

Фань спросил, считает ли Ли это выводом или предупреждением. Она обещала ответить после проверки.

Дуань Жун предложил перейти к первой статье. Зорин

поддержал: отказ после одного абзаца выглядел бы признанием, что китайская сторона привезла опасный текст. Ли понимала ловушку. Если она потребует остановить процедуру как представитель восточной делегации, в русском протоколе запишут срыв переговоров. Если промолчит, обе стороны закрепят новые строки одну за другой.

Ли положила рядом половины дощечки Саввы. Вторую Глеб передал через Матвея. Вместе фраза снова стала целой: «Не признавай единственного голоса».

Фань спросил, служит ли дощечка основанием для возражения. Ли ответила, что она требует проверить число необходимых голосов. Два начальника запустили условие, но переводчики, свидетели и исполнители могли изменить его предел.

Глеб стоял у стены за Зориным. После пристани люди оглядывались на него чаще, чем на Пахомова. Ли не смотрела в его сторону дольше необходимого.

Она велела принести чистую копию вводной статьи без печатей. Матвей переписал её, оставив такие же интервалы. Фань проверил китайские соответствия. Чистый лист не изменился.

— Теперь нужен человек без права утверждать договор,
— сказала Ли.

Рубец поднял руку.

— Я младший чиновник. Моя подпись ничего не решает.

— Это редкое преимущество, — сказал Матвей. — Бере-

ги его.

Рубец сел у торца. Ему было не больше двадцати пяти. Он старательно расправил рукава, словно аккуратная одежда могла защитить от неточной фразы.

Ли указала на короткую тестовую строку, которую Фань предложил для проверки: «Сторона исполнит распоряжение посла без промедления».

Она велела Рубцу прочесть формулу, не подтверждая её правильность. Он повторил китайский и русский варианты. Чистая бумага не изменилась.

Зорин хотел спросить о совпадении смысла, но Ли остановила его. Фань напомнил, что без признания опыт ничего не покажет. Дуань счёл риск малым, поскольку в зале оставались свидетели. Ли возразила: свидетели назовут виновного, но не помогут исполнителю, если условие отнимет дыхание. После этих слов Рубец побледнел и согласился действовать осторожнее.

Дуань предложил ограничить тест пределами зала. Зорин потребовал добавить право отказа при угрозе жизни. Кровяные строки на договорах стали темнее.

Ли потребовала не добавлять новые условия вслух. Кровь могла реагировать на обсуждение либо на попытку ограничить власть посла. Фань согласился, что разницу установит лишь опыт.

Рубец сжимал край скамьи. Ли напомнила ему о праве отказать. Выбор старшего посла не превращал участие в обя-

занность.

Зорин открыл рот, но Глеб заговорил раньше:

— Алексей, ответь ей сам. Без разрешения начальства.

Все посмотрели на него. Пахомов нахмурился, однако Зорин промолчал.

Рубец выдохнул.

— Я согласен прочесть и подтвердить совпадение смысла. Не согласен исполнять распоряжение, если оно угрожает жизни.

Фань записал его слова. Матвей сделал русскую копию. Ли проверила обе.

— Теперь подтвердите только совпадение.

Рубец прочёл формулу по-русски и через паузу кивнул:

— Смысл совпадает.

На чистом листе появилась одна красная черта. Она прошла под словом «без промедления». Рубец вдохнул и сразу закашлялся. Он попытался сказать, что сохраняет право отказа, но голос оборвался на первом слове.

Ли встала.

— Не заставляйте его говорить.

Рубец прижал ладонь к груди. Воздух входил короткими рывками. Глеб подошёл сбоку и показал на его горло.

— Он может вдохнуть, пока молчит. Дыхание сбивается, когда он пытается добавить оговорку.

Ли проверила наблюдение. Попросила Рубца не говорить и поднять два пальца, если боль уменьшается. Через

несколько вдохов он выполнил просьбу.

— Условие прерывает попытку изменить признанный смысл.

— Его оговорка записана, — напомнил Зорин.

— Но не вошла в формулу.

Она провела ногтем над строкой, не касаясь бумаги. Кровь под волокнами сместилась к слову «посла». Онемение поднялось от пальцев к запястью. Ли убрала руку, но чувствительность не вернулась.

Фань заметил онемение и потребовал внести в акт возможную личную связь эксперта со скрытой строкой. Ли ответила, что реакция возникла во время предложенного им опыта. Фань не отступил: существование прежней связи ещё предстояло исключить.

Рубец снова мог дышать, пока молчал. Дуань хотел снять с него условие приказом.

— Не приказывайте, — сказала Ли.

— Он мой чиновник лишь в пределах переговоров.

— Формула говорит о стороне, а не о подданстве. После общего признания распоряжение любого посла может стать обязательным.

Зорин поднялся.

— Тогда я приказываю ему не исполнять никаких приказов до завершения проверки.

Фань остановил переводчика жестом.

— Остановка после признания тоже будет распоряжением

по тексту.

Зорин замер.

— Значит, его нельзя освободить приказом?

— Пока не установим, что считается прекращением, любое распоряжение может ещё сильнее закрепить действие,
— сказала Ли.

Матвей посмотрел на Рубца.

— Ты первый чиновник, которого начальство боится трогать.

Рубец показал ему кулак.

Ли восстановила порядок событий. Чтение не дало следа. После подтверждения начальниками появились скрытые строки. Формула Рубца получила действие лишь после признания совпадения, а попытка добавить оговорку вызвала удушье.

— Печать включается совместным признанием смысла уполномоченными лицами, — сказала она. — Чтение само по себе безопаснее, но после подтверждения каждое слово получает статус действия.

— «Безопаснее» не значит безопасно, — заметил Глеб.

— Да.

Фань перевёл взгляд с неё на Глеба, но ничего не сказал.

Ли взяла кисть левой рукой. Правая почти не слушалась. Она написала на двух актах: русская и китайская версии временно считаются несогласованными, несмотря на совпадение открытого смысла. Причина — скрытые условия зани-

мают разные места и меняют предел исполнения.

Дуань прочёл акт и уточнил, объявляет ли Ли несогласованной китайскую версию. Она объявляла спорным соответствие двух текстов. Фань потребовал проверить её беспристрастность: тело эксперта реагировало на документ иначе, чем у остальных.

Зорин спросил, что теперь делать. Ли запретила подтверждать следующие статьи и посоветовала не отдавать распоряжений, которые можно связать с уже признанной формулой.

Дуань потребовал акт о приостановке чтения. Фань заметил, что само слово может стать действием по скрытому условию. Ли написала: «Следующая статья не рассматривается до новой совместной процедуры». Формула не отменяла признанное.

Оба начальника подписали акт. На договорных копиях кровь не изменилась.

Онемение дошло до локтя. Чэнь Мэй пододвинула тёплую чашку.

— Сможете продолжить?

— Читать смогу. Писать — медленнее.

— Послы станут говорить короче.

Фань предложил Дуань Жуну проверить формулу простым действием. Ли потребовала сначала получить согласие Рубца жестом.

Рубец прочёл дощечку. На ней было написано: поднять

пустую коробку и переставить на соседний стол. Он показал два пальца.

Зорин сказал:

— Алексей, перенеси коробку к Матвею.

Рубец выполнил приказ. Дыхание не сбилось.

— Обычное распоряжение проходит, — сказал Дуань.

— Пока не связано со спорной целью, — ответила Ли.

Фань попросил положить копию акта в коробку и запечатать коробку. Матвей выполнил просьбу при свидетелях.

За стеной раздался удар. Лёд в протоке раскололся, вода пошла между глыбами. Пахомов выглянул в окно и велел снять нижние мостки. До восточного берега теперь можно было добраться только на лодке, если гребцы сумеют пройти среди льдин.

Зорин посмотрел на запечатанную коробку.

— Этот акт должен получить восточный караул.

Ли поднялась.

— Не поручайте Рубцу.

— Он перенёс её без последствий.

— Теперь появились направление и требование действовать без промедления.

Фань не возразил.

Рубец посмотрел на коробку и перенёс вес на ногу. Ли заметила движение.

— Алексей, не касайтесь её.

Он остановил руку, но плечо осталось напряжённым.

— Я не называл исполнителя, — сказал Зорин.

— Вы называли цель. Роль исполнителя сохранилась за ним после прежнего опыта.

Дуань потребовал объяснить, почему условие выбрало русского чиновника.

— Он подтвердил формулу на себе, — сказал Фань. — Роль закрепились за ним.

— Тогда назначим другого, — предложил Зорин.

— Назначение станет новым распоряжением, — возразила Ли.

Глеб не отходил от двери.

— Сначала уберите коробку из его поля зрения.

— Это тоже приказ, — напомнил Фань.

Матвей прикрыл коробку листом.

— Теперь её не видно. Писари умеют решать задачи, которые начальство считает недостойными.

Рубец смотрел на прикрытый предмет, но пальцы продолжали тянуться к краю стола.

Зорин повернулся к Семёну у двери.

— Позови лодочников.

Рубец взял коробку раньше, чем Семён двинулся.

— Я отнесу, — сказал он.

Голос снова оборвался. Он прижал коробку к груди и пошёл к выходу.

— Алексей, стой, — приказал Зорин.

Рубец дёрнулся, но продолжал идти. Ли увидела, как под

кожей его шеи напряглись мышцы: один приказ толкал его к берегу, второй пытался задержать. Воздуха между ними ему не хватало.

Глеб перегородил дверь, не касаясь чиновника.

— Коробку на пол.

Рубец попытался выполнить, но пальцы не разжались.

— Не давай ему новых распоряжений, — сказала Ли. — Они складываются.

За окном треснул ещё один ледяной пласт. Пахомов крикнул людям у пристани уходить с настила. Рубец дошёл до двери и упёрся коробкой в грудь Глеба.

— Он идёт на восточный берег, — сказал Глеб. — Не потому, что согласился. Приказ уже признан частью исполнения.

Ли шагнула к ним, но правая рука повисла. На русской копии договора кровавая строка стала длиннее на два слова. Матвей прочёл их молча и побледнел.

Рубец протиснулся мимо Глеба, открыл дверь и вышел во двор. Ветер ворвался в зал и принёс запах воды. За крепостной стеной ломался лёд, а чиновник с запечатанной коробкой направился к снятым мосткам.

Глава 7. Приказ, который нельзя отменить

Рубец вышел из приказной избы, прижимая запечатанную коробку к груди. Первый шаг он сделал быстро, на третьем левая нога подогнулась. Чиновник упёрся плечом в стену и продолжил идти к восточной калитке.

За воротами грохнул лёд. Нижние мостки у пристани снимали, а протоку заполняли движущиеся льдины. До восточного берега теперь можно было добраться только на лодке, если гребцы сумеют пройти между глыбами.

Глеб спустился с крыльца следом и позвал Рубца по имени. Тот повернул голову. Лицо посерело, губы дрожали, но коробку он не отпускал.

— Я должен отнести её.

После слов дыхание сбилось. Рубец закашлялся, однако ноги продолжали двигаться.

Глеб не велел ему остановиться. В зале такое распоряжение едва не задушило чиновника. Он обошёл Рубца сбоку и положил ладонь на стену перед ним, закрывая путь без приказа.

Рубец попробовал свернуть. Тело подалось назад, и воздух перестал входить. Глеб убрал руку. Чиновник снова направился к калитке, хватая ртом воздух на каждом шаге.

Из приказной избы выбежал Зорин и громко отменил прежнее распоряжение. Он потребовал, чтобы Рубец вернулся в зал.

Алексей дёрнулся всем телом. Правая нога шагнула назад, левая осталась на месте. Коробка ударилась о стену. Он открыл рот, но вдохнуть не смог.

— Больше ничего ему не приказывайте, — сказала Ли с крыльца.

Она спускалась, поддерживая правую руку левой. Рядом шёл Фань Вэньсю. Дуань Жун и Матвей остановились в дверях.

Зорин схватил Рубца за плечо и потянул к себе. Чиновник захрипел. Глеб отбросил руку начальника посольства и объяснил: теперь в теле Рубца действовали два несовместимых распоряжения. Отмена не освободила его, а заставила одновременно идти вперёд и возвращаться.

Начальник посольства возразил, что последнее распоряжение должно иметь силу. Глеб указал на посеревшее лицо чиновника.

— Я отменил приказ.

— Вы добавили второй.

— Тогда какой из них он исполняет?

— Оба. Поэтому задыхается.

— Его можно удержать силой?

— Можно сломать ему второе плечо. Остановить так не выйдет.

— Его тело с вашей канцелярией не согласно.

Рубец опять двинулся к калитке. Плечо после рывка висело ниже, и коробку пришлось прижать подбородком.

Ли остановилась у края крыльца. По её мнению, условие связывало Рубца не с коробкой, а с направлением. Ему велели доставить предмет на восточную сторону. Изменить приказ без новой боли не удастся, зато можно изменить место исполнения.

Фань перевёл её слова Дуань Жуну и возразил. Восточную сторону определяло общее понимание делегаций, поэтому нельзя было ради удобства объявить ею любой угол двора.

— В договоре граница ещё не описана, — ответила Ли.
— Здесь действует протокольное разделение сторон.

Фань напомнил, что все понимают восточный берег одинаково. Ли не оспаривала направление, но статус пространства в крепости подтверждали столб, табличка и допуск охраны.

Глеб посмотрел через двор. У стены посольского стана стоял столб с дощечкой. За ним начиналась площадка китайской делегации. До неё было двадцать шагов, до калитки — втрое больше.

— Семён, Игнат, лопаты сюда. Перенесём столб.

Пахомов вышел из оружейного двора и преградил ему путь. Столб поставили по его распоряжению, и начальник гарнизона не собирался разрешать перенос. Глеб попросил хотя бы не мешать людям спасти Рубца.

— В моей крепости границы не двигают по просьбе охранника.

— Тогда двигайте по просьбе человека, который задыхается.

Пахомов отказался.

— Столб останется на месте.

— Тогда Рубец пойдёт к воде.

— Он русский чиновник. Восточной стороной двор не станет.

— Двор станет тем, чем его признали послы.

— В моей крепости последнее слово за мной.

— Скажите его Рубцу. Посмотрим, сколько воздуха у него останется.

Глеб повернулся к Семёну и приказал копать. Тот посмотрел на начальника гарнизона, потом на Рубца и взял лопату.

Игнат поддел мёрзлую землю ломом. Каждый удар отдавался по двору. Рубец дошёл до водосточного желоба и едва не упал. Вывихнутое плечо мешало опираться на стену, поэтому он толкал коробку грудью и переставлял ноги по одной.

Глеб подошёл сбоку и попросил моргнуть, если чиновник его понимает. Он моргнул.

— Мы перенесём восточную сторону ближе. Иди, пока можешь.

Два коротких вдоха показали, что Алексей услышал.

Пахомов снова потребовал прекратить работу. Семён

продолжил копать и сообщил, что спорить не может: руки заняты государственной границей. Игнат вытащил столб. На нижнем конце остался ком мёрзлой глины.

Глеб поднял табличку. На ней было написано: «Восточная сторона посольского стана. Вход по приглашению уполномоченного лица». Под текстом стояли знаки Зорина и Дуань Жуна.

Матвей подтвердил, что оба посла признали запись утром. Иначе Пахомов не допустил бы восточную охрану во двор.

Фань предупредил: физический перенос таблички меняет значение пространства.

— Именно этого мы и добиваемся, — сказал Глеб.

— Вы создаёте опасный прецедент.

— Я пользуюсь признанной формулой.

— А если завтра другой человек перенесёт столб дальше?

— Тогда сначала пусть найдёт двух послов, которые подпишут табличку.

Ли велела поставить столб между Рубцом и калиткой. Коробка должна была пересечь новую черту после того, как обе стороны увидят её положение. Пахомов заявил, что не признает перенос.

— Вы не сторона переговоров, — сказал Зорин.

— Зато это моя крепость.

— А человек мой.

После неудачной отмены приказа Зорин больше не подходил к Рубцу.

Семён и Игнат понесли столб через двор. Фань следил за ними и заметил, что при таком способе любой сможет передвинуть границу.

— Любой, у кого есть признанная табличка, свидетели и люди с лопатами, — ответил Глеб.

Они остановились в шести шагах перед Рубцом. Игнат расколол ломом мерзлоту, Семён расширил яму сапогом. Китайская охрана наблюдала со своей площадки, русские караульные остались у стен.

Дуань Жун вышел во двор и подтвердил, что пространство за перенесённым столбом временно относится к восточной стороне стана. Зорин добавил, что это положение действует до нового совместного решения.

У ногтей Ли выступила кровь. Она спрятала руку в рукав, но Глеб заметил. Даже временное изменение признанного пространства отзывалось в её теле.

Семён поставил столб, Игнат утрамбовал землю каблуком, а Глеб привязал табличку прежним шнуром. Дощечка висела криво, но исправлять её не стали.

Матвей потребовал записать новое положение. Чэнь Мэй принесла мерный шнур. Расстояние от крыльца подтвердили оба писца, после чего Зорин и Дуань поставили малые знаки.

Рубец дошёл до открытого места и едва сохранял равновесие. Глеб встал за новой чертой и показал на землю перед собой.

— Здесь восточная сторона. Поставь коробку сюда.

Фань поднял ладонь.

— Это новое распоряжение.

— Я называю место.

— Для Печати разницы может не быть.

— Для Рубца есть. Он должен знать, куда идти.

— Тогда не требуйте действия.

— Алексей, ты видишь табличку?

Рубец моргнул.

— Этого достаточно, — сказала Ли.

Чиновник шагнул.

Нога скользнула в грязи. Глеб хотел подхватить его, но остановился: черту чиновник должен был пересечь сам. Ли тоже поняла это и попросила не касаться Рубца до перехода.

Коробка задела табличку, шнур лопнул. Дощечка упала на землю по восточную сторону. Пахомов велел караульному поднять её, но Глеб заслонил табличку ногой.

Рубец смотрел на упавшую дощечку. Дыхание стало ещё короче. Он переступил через неё, оказался на новой восточной стороне и поставил коробку на землю. После этого колени подогнулись.

Глеб пересёк черту следом, перевернул чиновника на спину и проверил дыхание. Рубец вдохнул полной грудью, потом ещё раз. Глаза закрылись, но грудь продолжала подниматься.

— Живой.

Семён присел рядом и поинтересовался плечом. Глеб нащупал вывих. Значит, распоряжение человек выполнил, а

травма осталась с ним.

Ли остановилась у черты и спросила, может ли Рубец вернуться. Глеб велел Алексею не двигаться до проверки.

— Я никуда не хочу, — выдохнул тот.

Голос звучал свободно. Исполнение завершилось.

После краткого допуска лекарь пересёк новую границу и вправил Рубцу плечо. Алексей закричал, затем долго ругался без малейшей нехватки воздуха. Семён заключил, что для дальнейших приказов чиновник снова пригоден.

Пахомов подошёл к столбу и потребовал немедленно вернуть его на место. Зорин отказался до совместного решения. Начальник гарнизона обвинил Глеба в самовольном изменении государственной границы.

Глеб напомнил, что перенесли лишь линию посольского стана и всего на несколько шагов. Пахомов ответил: государство иногда начинают терять с одного шага. Глеб указал на Рубца.

— Сегодня этими шагами мы вернули человека.

Начальник гарнизона потребовал ареста. Зорин отказался, но подтвердил прежнее ограничение: полномочия Глеба действуют только внутри посольского стана.

— Теперь стан стал больше, — заметил Семён.

Пахомов назначил его ночным караульным у нового столба. Семён принял наказание без спора и пообещал не дать границе уйти дальше.

Глеб смотрел на коробку. Её приказали отнести с запеча-

танным актом, но вес почти не чувствовался даже в руках Рубца.

Матвей уверял, что сам свернул акт и положил внутрь.

— Я положил его сюда при всех.

— Коробка оставалась на столе? — спросил Глеб.

— Да.

— Без присмотра?

— В комнате были два посла, переводчик и половина канцелярии. Если этого мало, придётся нанимать монастырь.

Фань подтвердил, что видел акт. Зорин поставил печать, после чего коробку не открывали.

Восковой знак на крышке оставался целым. Глеб попросил у Рубца разрешения вскрыть её: после исполнения предмет мог сохранять связь с чиновником.

— Открывайте. Только далеко не несите.

Матвей разрезал шнур. Воск раскололся. Копии акта внутри не оказалось. На дне лежала узкая полоска бумаги.

Зорин перевернул коробку. Больше ничего не выпало.

— Акт не мог исчезнуть, — сказал он.

— Сегодня много чего не могло, — ответил Матвей. — Рубец не мог идти, двор не мог стать восточным, а я не мог ошибиться при свидетелях. Последнее особенно неприятно.

Фань осмотрел стенки и не нашёл тайника.

Ли попросила не касаться полоски. Чэнь Мэй развернула её щипцами на крышке коробки.

На бумаге были написаны имена. Первым стоял Дуань

Жун, ниже — Иван Зорин. Потом Фань Вэньсю, Матвей Тихонов, Ли Шэньюэ и Алексей Рубец. Последним значился Глеб Воронеж.

— Я тестовую статью не подтверждал, — сказал Глеб.

Фань напомнил, что Глеб вслух признал её действие, когда описал состояние Рубца. Этого оказалось достаточно. Матвей прочёл список: сюда вошли люди, которые подтвердили смысл или последствие. Чэнь Мэй видела кровь, но не называла правило и потому отсутствовала.

Рубец сел, придерживая перевязанное плечо.

— Значит, коробка была пустой?

Ли ответила, что акт мог исчезнуть после признания цели. Коробка была лишь поводом: приказ закреплял подчинение Рубца.

Зорин сжал крышку. Он отправил подчинённого на ломкий лёд ради пустой коробки и не мог больше притворяться, что контролирует собственные распоряжения.

Глеб напомнил, что испытание предложил Фань. Переводчик не уклонился: он предложил проверить действие статьи, но направление назвал Зорин. Фань отрицал, что заранее знал результат: иначе он не допустил бы собственного имени в списке.

Ли посмотрела на него.

— Мы пока не знаем, кому этот список выгоден.

После имени Глеба появилась красная точка. Она вытянулась в новую строку. Чэнь Мэй убрала щипцы. Никто не

произносил слова, пока знаки не завершились.

Ли первой разобрала смысл. Онемевшая рука задрожала.

Зорин потребовал перевод. Фань прочёл строку про себя, затем произнёс точно:

— Отсутствующая сторона передаётся Послу в залог.

Глава 8. Двенадцать дней

К вечеру вода отрезала Посольский остров от западного берега наполовину. Нижние мостки сняли, верхний настил дрожал под ударами льдин. На восточной стороне крайний пролёт просел, и плотники подпирали его жердями, пока охрана переносила ящики.

Ли Шэньюэ обошла остров по внешней черте. Русский лагерь занимал западную площадку, китайский — восточную. Между ними стоял центральный павильон со столом сверки. За верёвочным ограждением горели костры местных свидетелей. Их не включили ни в одну делегацию, хотя спорный изгиб находился возле их зимовий.

У западного мостка Рубец сидел с перевязанным плечом. Он ругался на лекаря, который запретил ему работать.

— Я могу писать левой рукой.

— Можешь, — сказал Матвей. — Но потом мне придётся читать.

— Мой почерк не хуже твоего.

— Поэтому я и боюсь.

Рубец усмехнулся и поморщился. Пустая коробка лежала рядом под холстом. Полоску с именами заперли в центральном павильоне вместе с обеими копиями договора.

Ли остановилась у границы восточной части стана. Столб, который днём перенесли ради Рубца, вернули почти на

прежнее место. Пахомов настоял, чтобы изменение внесли в акт. Семён поставил свидетельский знак и спросил, полагается ли ему жалованье землемера.

Пахомов назначил его караульным у столба до рассвета.
— Получил ответ, — заметил Глеб.

Он стоял по западную сторону черты. После решения начальника гарнизона его полномочия действовали только внутри общего стана.

— У нас всё спокойно? — спросила Ли.

— Пока люди не говорят о праве выхода.

— Значит, недолго.

Она показала на западный мосток. Льдина ударила в опору, доски поднялись и снова легли.

— Через ночь его снимут.

— Плотники дают два дня.

— Плотники не читали договор.

Они пошли к павильону с разных сторон черты и вошли через разные двери.

За длинным столом сидели Дуань Жун, Зорин и Фань Вэньсю. Чэнь Мэй разложила реестры возле китайской копии. Матвей положил русский протокол рядом с чернильницей. У торца ждал мужчина в меховом кафтане без служебной таблички.

Дуань представил его как Боро Чулуу, выборного свидетеля трёх общин возле спорного изгиба.

Боро поднялся.

— Я приехал свидетельствовать, а не соглашаться.

Фань перевёл его слова без смягчения. Зорин спросил, признаёт ли Боро право посольств заключить договор о границе.

— Признаю право говорить от имени ваших государей. За наши дворы вы говорить не можете.

— Граница касается двух держав, — сказал Дуань.

— Вода касается всех, кто пьёт из неё.

Матвей шепнул Глебу:

— Хорошая фраза. Короткая.

— Запиши без улучшений.

— Я никогда не улучшаю чужие слова. Только делаю их понятнее начальству.

На середине стола лежала полоска с кровавой строкой: «Отсутствующая сторона передаётся Послу в залог». Они должны были установить, что считается отсутствием.

Фань предложил проверить выход одного участника за внешнюю черту. Ли потребовала сначала назвать человека, которому опыт не повредит. Дуань выбрал младшего служащего. Писец подтвердил, что согласен выйти на пять шагов и вернуться по удару колокольчика.

— Словесный приказ не используем, — сказала Ли.

Фань записал процедуру. Обе стороны прочли её на своих языках. Начальники подтвердили совпадение смысла. Крови на акте не появилось.

Писец вышел за восточную черту. На третьем шаге люди

его делегации одновременно выпрямились. Один охранник схватился за горло, второй опустился на колено. Дуань Жун побледнел, но остался сидеть.

Ли ударила в колокольчик. Писец повернул обратно. Пока он шёл, дыхание охранника не восстанавливалось. Лишь после пересечения черты тот смог вдохнуть.

— Уход одного сделал остальных залогом, — сказал Зорин.

— Он вернулся, — возразил Дуань. — Значит, статус прекратился.

— Временного отсутствия достаточно, — сказал Фань.

Боро спросил писца, хотел ли он уйти. Тот ответил, что выполнял проверку.

— Тогда Кодекс не различает уход и опыт. Ему важна граница, а не воля человека.

Ли отметила это в протоколе. Статус менялся при пересечении признанной границы.

Зорин предложил запретить одиночный выход. Дуань согласился, если запрет будет одинаковым для обеих сторон. Боро спросил, что случится с раненым, которого придётся увезти.

— Раненый не должен превращать людей в залог, — сказала Ли.

— Тогда после передачи лекарю он не считается стороной, — предложил Фань.

— Кто решает, что он ранен достаточно?

— Главы делегаций.

Боро покачал головой.

— Пока они решат, человек может умереть.

Глеб заговорил с западной стороны стола:

— Достаточно решения лекаря и свидетеля другой стороны. Начальники подтвердят вынос после возвращения носилок.

Дуань спросил, почему подтверждение даётся после действия.

— Чтобы помощь не зависела от спора о словах, — ответил Глеб.

Ли встретила с ним взглядом. Предложение не отдавало одному послу право назначать больных.

— Добавьте, что вынос не меняет статус оставшихся, — сказала она.

Матвей записал. Боро потребовал включить местного свидетеля, если пострадавший не входит в делегацию.

Зорин нахмурился.

— В стане не должно быть посторонних.

Боро указал на костры за внешней чертой.

— Там люди, чьи дома стоят возле вашей будущей границы. Вы называете их посторонними, пока решаете, где им жить.

Дуань предложил вернуться к порядку выхода. Боро отказался ставить знак под актом без права общин говорить за себя.

— Вы приглашены как свидетель, — сказал Дуань.

— Свидетель подтверждает увиденное. Он не отдаёт голос тем, кто сидит за длинным столом.

Фань перевёл точно. Ли заметила, что он не защищал слов и не помогал Боро. Он сохранял каждое различие, которое могло получить юридическую силу.

Зорин спросил, можно ли оставить подпись Боро необязательной. Ли ответила, что тогда акт не будет действовать для людей за внешней чертой. Государственные послы не получили полномочий распоряжаться их выходом.

— Значит, они могут покинуть остров по одному? — спросил Зорин.

— Они не признали Кодекс. Пока нет.

Слово «пока» заставило Чэнь Мэй поднять голову.

Ли предложила временный регламент. Ни один участник признанных делегаций не покидает остров поодиночке. Каждый официальный смысл проходит двойной перевод. Раненого можно вынести по решению лекаря, подтверждённому свидетелем другой стороны. Люди общин участвуют только в тех решениях, под которыми добровольно ставят знак.

— А если переговоры сорвутся? — спросил Дуань.

— Обе делегации выходят одновременно.

— Через разные мостки?

— В один час, после взаимного подтверждения.

— Если один мосток разрушен?

— Сначала обеспечивается второй путь.

Фань заметил, что регламент не даёт одной стороне уйти при нападении. Глеб предложил отвести людей к своим лагерям, но не покидать остров до совместного решения.

Пахомов у двери сказал, что при нападении спрашивать послов никто не станет.

— Я помогаю людям дожить до вашей подписи, — добавил он.

Матвей записал только согласованную часть.

Дуань Жун прочёл временный порядок. Его беспокоило выражение «общее место речи». Оно могло означать, что обе стороны признали стан частью Кодекса.

Фань ответил:

— После пробного чтения это произошло. Мы можем определить предел, но не вернуться в утро.

— Вы утверждаете, что обе делегации уже стороны? — спросил Зорин.

— Их главы признали совпадающий смысл. Список в коробке назвал носителей. Уход одного изменил состояние остальных.

— Тогда почему Боро свободен?

— Он отказался признавать договор.

Боро усмехнулся.

— Первый полезный отказ за весь день.

Дуань не хотел заносить в протокол, что делегации попали в ловушку. Зорин возражал против слова «залог». Ли предложила записать наблюдаемое действие: выход одного

участника за общую черту вызывает телесное принуждение у оставшихся.

— Это звучит хуже ловушки, — сказал Матвей.

— Зато точнее, — ответила она.

За стенами павильона вода была в сваи. Плотники сняли часть западного настила, и остров уменьшился ещё на несколько шагов.

Ли посмотрела на обе половины стана. Между кострами и мостками оставалось меньше места, чем утром. Вода сама сокращала время переговоров, но в регламенте это пока значилось одной строкой о сроке охранных грамот.

Когда дошли до срока действия, Фань сказал:

— Временный порядок действует двенадцать суток.

Он произнёс число до согласия Дуань Жуна и Зорина.

На чистом акте проступила красная точка. Чэнь Мэй заметила её одновременно с Ли. Точка вытянулась в черту под числом.

Фань продолжал объяснять, что срок совпадает с охранными грамотами. Остальные ждали решения начальников и не увидели первого изменения.

Ли накрыла красную черту костяной пластиной.

— Почему вы назвали срок до голосования?

Фань остановился.

— Он установлен грамотами.

— Регламент ещё не принят.

— Число от этого не меняется.

— Печать отреагировала на вашу формулировку.

Чэнь Мэй подтвердила, что кровь появилась до слов начальников.

Фань посмотрел на акт.

— Возможно, прежнее признание распространилось на срок.

— Или ваша должность уже считается стороной, — сказала Ли.

Дуань потребовал не делать выводов без повторной проверки. Зорин согласился, но число на акте осталось.

— Уберите мою формулировку и предложите другую, — сказал Фань.

Матвей зачеркнул строку на рабочей копии. Красная черта не исчезла. Ли почувствовала онемение в пальцах.

— Число принято до общего решения, — сказала Чэнь Мэй.

— Кем? — спросил Боро.

Никто не ответил.

Ли переписала срок иначе: регламент прекращается вместе с охранными грамотами либо раньше по совместному отказу сторон. Зорин и Дуань подтвердили смысл. Кровь под прежним числом стала темнее, новых строк не появилось.

Боро поставил знак только под пунктом о раненых и участии общин.

— Остальное связывает ваши делегации. Нас не вписывайте.

Ли признала ограничение и подписала временный порядок как независимый эксперт.

Пальцы сразу потеряли чувствительность. Кисть выпала из руки. Чэнь Мэй подняла её.

— Можете отозвать подпись?

Ли попробовала сделать шаг к восточной двери. Ноги налились тяжестью. Условие общего места речи связало её со станом.

— Теперь только вместе с обеими сторонами, — сказала она.

Глеб стоял за чертой западной половины. Между ними было несколько шагов и признанный порядок, запрещающий каждому выйти отдельно.

Зорин и Дуань подписали акт последними. Матвей изготавил две копии. Их заперли вместе с договорами в центральном столе. Один ключ получил Зорин, второй — Дуань.

Ночью Ли вернулась в павильон с Чэнь Мэй. Архивистка хотела проверить число. Два караульных открыли двери, но к столу не подходили.

Чэнь поставила лампу ближе. Сквозь щели крышки шёл запах железа.

Позвали Фаня, Матвея и обоих послов. После проверки печатей Зорин и Дуань одновременно повернули ключи. Внутри лежали русский и китайский экземпляры договора.

Кровавые строки, прежде находившиеся в разных местах, вытянулись к краям листов. На русском начало фразы появи-

лось возле исполнителей. На китайском продолжение легло после признания смысла.

Фань поставил копии рядом. Вместе строки складывались в два слова.

Ли прочла их молча. Онемевшие пальцы сжались.

Матвей первым нарушил тишину:

— Здесь написано: «Посол прибыл».

Часть II. Переводчик, которого не было

Глава 9. Подпись из пустого реестра

Утром на описи проступил чужой оттиск. Чэнь Мэй ещё не открыла чернильницу, когда пустая строка под перечнем свитков потемнела. Красная печать появилась без нажима и пасты. В центре стояла должность, которой не было в реестрах: Демонический посол.

Чэнь не коснулась бумаги. Она позвала Ли Шэньюэ, но та не пришла сразу: после ночной проверки пальцы правой руки почти не двигались. Пока Чэнь ждала, оттиск стал чётче. Круг замкнулся, края знаков легли поверх её вчерашней подписи о полноте архива.

В палатке стояли восемь дорожных коробов. Три Фань Вэньсю опечатал знаком дипломатической тайны. Остальные разрешили проверять по выпискам. В описи Чэнь указала, что получила весь архив. Теперь неизвестная печать опиралась на её подтверждение.

Ли вошла вместе с Боро Чулуу. Он остановился у входа и остался за верёвочной чертой. Чэнь показала им строку.

Чэнь объяснила, что вчера строки не было. Ли уточнила,

проверяла ли она содержимое закрытых коробов. Архивистка признала: сверила только их число и печати, как требовала передаточная опись. Боро указал на простую беду — она подтвердила наличие полного архива, не зная, что лежит внутри. Чэнь хотела возразить, но красный оттиск уже показал, какую именно формулировку приняло условие.

Архивистка разложила выписки на войлочном ковре. Даты написала на полосках, но соединила документы не по времени, а по ссылкам. Старый дорожный сборник указывал на северную копию Кодекса, та — на комментарий Яо Чжэня. Комментарии подтверждали две поздние выписки, составленные после его предполагаемой смерти.

— Все цепочки возвращаются к трём документам. Они моложе остальных.

Ли присела рядом.

— Старые записи подтверждают их содержание?

— Нет. Старые записи подтверждают должность.

Чэнь подвинула первый лист. В нём упоминался посол, уполномоченный толковать общую волю сторон. Имени не было. Во втором стояло «служба Демонического посла». В третьем, переписанном позднее, появилась приписка: «по Кодексу Яо Чжэня».

Ли сравнила почерк.

— Имя добавляли после основного текста.

— Разными руками. И писали по-разному.

В одной копии первый знак имени означал «далёкий», в

другой — «ясный». В третьей его исправили поверх старой черты. Зато должность везде сохраняла одинаковый порядок знаков, включая старое написание, забытое полвека назад.

Боро заметил, что автора меняли, а должность берегли. Чэнь предположила: правило проще признать, если у него есть человеческое имя. Ли попросила отложить вывод до проверки закрытых свитков.

Снаружи ударил колокол, объявляя второй день переговоров. Ветер хлопал полотнищем палатки. У западного мостка плотники снимали ещё один пролёт.

Фань вошёл без охраны. Он увидел разложенные выписки и остановился перед красной печатью.

— Вы открыли опись без разрешения старшего посла?

— Опись открыта для архивной проверки, — ответила Чэнь.

— После появления скрытого оттиска её следовало запечатать.

— Тогда я не смогла бы проверить, откуда он взялся.

— Иногда порядок нужен именно затем, чтобы человек не успел исправить удобную ошибку.

Чэнь подняла лист.

— Здесь стоит моя подпись. Ошибка уже стала удобной.

Фань сел напротив. Он просмотрел схему ссылок и не стал отрицать её вывод.

— Вы хорошо работаете с поздними копиями.

— Поэтому мне нужны ранние.

— Они содержат сведения, которые нельзя открывать вне переговорной комиссии.

— Тогда пусть комиссия придёт сюда.

— Дуань Жун разрешил вам выписки.

— Выписки составлены с этих же поздних копий.

Фань положил на ковёр малый ключ и предложил открыть один свиток. Цена была простой: после проверки Чэнь должна признать архив полным. Она не потянулась к ключу. Нельзя подтверждать результат заранее, тем более когда неизвестно, что вынули до передачи. Фань предупредил, что без акта свиток останется закрытым. Чэнь согласилась оставить его закрытым.

Ли повернулась к ней. Архивистка ожидала, что независимый эксперт потребует согласиться ради расследования. Но Ли лишь спросила, уверена ли она. Чэнь объяснила: после подписи найденное внутри станет единственным допустимым архивом, а отсутствующий документ превратится в документ, которого никогда не было. Фань признал точность довода и предупредил о потере должности. Архивистка решила не подтверждать того, чего не видела.

Боро усмехнулся, но Ли остановила его взглядом. Чэнь рисковала местом и не нуждалась в насмешке.

Фань забрал ключ.

— Тогда ранние свитки останутся закрытыми.

— До решения комиссии, — уточнила Ли.

— До решения человека, имеющего право снять печать.

Право снять печать Фань связывал с двумя своими должностями. Чэнь напомнила, что обе спорны, однако переводчик сослался на реестр. Красный оттиск потемнел, и знак Демонического посла получил ещё одну чёткую линию. Чэнь попросила не называть спорную запись действующей. Фань возразил, что говорил лишь о собственных полномочиях. Но условие приняло более широкий смысл, и его слова помогли закрепить чужую должность.

Фань не ответил. Он вызвал слугу и велел принести акт полноты. Чэнь поняла: отказ должен стать официальным, иначе позднее его назовут недоразумением.

Пока ждали, она сравнила три поздние копии. Бумага вышла из одной мастерской, хотя даты расходились на тридцать лет. Это ещё не доказывало подделку, но чернила ранней записи были моложе бумаги, а имя Яо Чжэня добавили позже основного текста.

Ли спросила, можно ли установить порядок правок. Чэнь ответила, что порядок был ясен: сначала должность, потом ссылка на Кодекс, последним — имя. Исходный текст никто не цитировал; записи подтверждали лишь право Демонического посла толковать договор. Боро заметил, что посол в таком случае важнее Кодекса. Чэнь согласилась: повторённая должность могла заменить человека. Ли посмотрела на красную печать. Теперь должность пыталась заменить и реестр.

Служитель принёс акт. За ним вошёл Дуань Жун. Старший посол не снял дорожного плаща, хотя в палатке было

жарко.

Дуань Жун потребовал объяснить отказ закончить опись. Чэнь уточнила: она отказалась признавать её полной. Вчера ей передали восемь коробов, а сегодня часть содержимого закрыли от проверки, хотя ранние записи не совпадали с выписками.

Старший посол посмотрел на Фаня и спросил, можно ли открыть свиток. Фань повторил условие: сначала акт полностью, потому что дипломатическую тайну показывают лишь уполномоченному архивисту. Чэнь указала на свою подпись. Переводчик счёл её недостаточной после возникшего сомнения. Получалось, подпись действовала только до первого неудобного вопроса.

Он потребовал закончить спор до полудня. На острове оставалось одиннадцать дней, и комиссия не желала тратить утро на биографию умершего чиновника.

Чэнь напомнила, что смерть Яо Чжэня не доказана: в одном сборнике он родился после составления Кодекса, в другом умер за семьдесят лет до рождения. Дуань назвал это канцелярской ошибкой. Тогда Чэнь попросила показать запись без ошибки. Старший посол велел ей помнить своё место. Она указала на подпись под описью: именно место обязывало знать, что подтверждается.

Ли не вмешалась. Чэнь ощутила её молчание как доверие и как тяжесть. Теперь решение принадлежало ей одной.

Дуань развернул акт к ней.

— Последний раз спрашиваю: вы подтверждаете полноту архива?

— Нет.

— Даже если закрытый свиток содержит нужное доказательство?

— Тогда доказательство останется закрытым по вашей воле, а ложная полнота — по моей подписи.

Фань посмотрел на неё внимательнее.

— Вы выбираете отсутствие знания.

— Я выбираю точное незнание. Оно честнее готового ответа, который мне не дали проверить.

— Для чиновника это опасная привычка.

— Для архива — единственная полезная.

Дуань приказал убрать Чэнь от архива, если она не подпишет акт. Фань уточнил, что без служебного статуса она потеряет доступ к довольствию делегации и место в восточной части стана. По временному регламенту покинуть остров поодиночке она тоже не могла.

— Где я буду жить?

— В общей палатке свидетелей до решения комиссии.

Боро заметил, что там кормят хуже, зато документы не запирают. Чэнь признала: утешение неполное.

— А если я ошибаюсь? — спросила Чэнь.

— Тогда ошибка будет вашей, — ответил Фань.

— Именно поэтому я не отдам её чужой формулировке.

Она взяла кисть, перечеркнула старую подпись и написала

над ней: «Полнота архива не подтверждена. Закрытые свитки и источник ранних выписок не проверены».

Красная печать дрогнула. Оттиск Демонического посла на миг побледнел, но не исчез.

Дуань прочёл запись.

— С этого часа вы отстранены от службы.

Чэнь сняла с пояса архивную табличку и положила рядом с описью.

— Принято.

Дуань лишил её довольствия и права касаться государственных бумаг. Смотреть разрешалось лишь на открытые документы. Чэнь заметила, что работа почти не изменится. Боро рассмеялся, а старший посол на миг прикрыл глаза.

Фань забрал ключ и поставил новые печати на закрытые короба. Чэнь наблюдала за порядком знаков. Он использовал печать хранителя договоров, хотя её подлинность оставалась спорной.

Чэнь отметила, что Фань выбрал вторую должность. Он счёл её точнее для архива и указал на приказ Дуань Жуна. Разрешения старшего посла хватило, чтобы спорное полномочие получило действие.

Ли попросила копию перечёркнутой описи. Дуань отказал: документ принадлежал делегации. Чэнь напомнила, что её подпись больше не служебная и она вправе свидетельствовать о собственном отказе. Фань предложил дать ей выписку без закрытых позиций.

Чэнь отказалась от выписки, подтверждавшей лишь удобную часть. Фань предложил запомнить формулировку. Для архивиста память была плохим хранилищем.

Матвей появился у входа с русской стороны и протянул чистый лист.

— У нас бумага хуже, зато без условий.

Дуань спросил, кто разрешил русскому писарю войти. Матвей показал временный регламент: двойной перевод позволял писцам работать в обеих половинах павильона и архивных палаток при свидетеле.

— Боро здесь, — добавил он. — Он свидетельствует даже тогда, когда всем неудобно.

Чэнь переписала свой отказ на русский лист. Матвей поставил отметку времени и вернул ей копию.

— Жалованье у нас тоже маленькое, — сказал он. — Но лишение китайского считайте профессиональным признанием.

— Вы предлагаете работу?

— Сочувствие. Продолжение проверки могло связать вас с ложным архивом.

Когда Дуань ушёл, Ли присела рядом с Чэнь.

— Я не смогу дать вам распоряжение продолжать расследование. После отстранения это сочтут вмешательством в чужой архив.

— Я продолжу как свидетель.

— Без доступа?

— Ссылки уже выписаны. Нужно проверить не только то, что лежит в коробах, но и то, как документы подтверждают друг друга.

Ли кивнула.

— Тогда решайте сами, что показывать мне.

Ли отдала часть расследования человеку без таблички и не потребовала отчёта за каждый шаг.

Чэнь собрала копии. Красный оттиск оставался поверх перечёркнутой подписи. Она осторожно подняла опись за края.

Под чертой начала проступать новая запись. Сначала появился год, затем месяц и день. Чернила были не красными, а обычными чёрными, похожими на её собственные.

Чэнь прочла дату дважды.

— Это невозможно.

Ли наклонилась ближе.

Дата стояла на сорок лет раньше рождения Чэнь Мэй. Под ней проступило её имя, написанное тем же почерком, которым она только что объявила архив неполным.

Глава 10. Автор, родившийся в ссылке

Кровь на полях собралась к имени после третьего произнесения. До этого красные следы лежали раздельно у трёх печатей. Когда Дуань Жун произнёс «Яо Чжэнь» как имя человека, они вытянулись к одним и тем же двум знакам.

Ли Шэньюэ закрыла первый реестр ладонью.

— Больше не произносите имя без оговорок.

Дуань Жун спросил, как им обсуждать автора Кодекса. Ли предложила называть его предполагаемым автором, пока не доказано, что один человек с таким именем существовал.

Фань Вэньсю стоял у открытой двери архивной повозки. За его спиной ветер шевелил полотнище, а с реки доносились удары льда о сваи. Он посмотрел на красные следы, но не предложил убрать документы.

Чэнь Мэй сидела на низкой скамье без служебной таблички. После отстранения ей запрещалось касаться государственных бумаг. Поэтому она диктовала, а Ли переворачивала страницы сама.

В повозке еле помещались трое. Дуань остался на ступеньке, Фань — снаружи. Три биографии лежали на узком столе рядом, и каждая была заверена подлинной печатью своего времени.

В первой Яо назывался чиновником восточной канцелярии. Он якобы составил Кодекс после пограничного мятежа и умер в должности. Во второй был странствующим монахом, который переписывал правила для караванов. В третьей — переводчиком, казнённым за измену за семьдесят лет до собственного рождения.

Чэнь Мэй попросила открыть последние страницы.

— Здесь совпадение.

Каждый Яо ссылался на более раннюю книгу с тем же названием. Чиновник цитировал старый «Кодекс посла». Монах утверждал, что восстановил утраченное толкование. Казнённый переводчик ссылался на список, который существовал до него.

— Ни один не назван первым автором в собственной биографии, — сказала Ли.

Дуань напомнил о поздних выписках, но те ссылались друг на друга. Фань спросил, ложны ли все три биографии. Ли ответила осторожнее: они несовместимы как три версии жизни одного человека, зато каждая подходит определённо читателю. Канцелярии был нужен чиновник, караванам — монах, судебному архиву — казнённый переводчик, чьи ошибки можно назвать преступлением.

— Удобный человек, — сказал Дуань.

— Именно поэтому его нельзя выбирать.

Красные следы на полях дрогнули, когда старший посол снова произнёс имя. Теперь они дошли до края листа. Чэнь

Мэй заметила: слово «автор» без имени не вызывало реакции.

Фань произнёс:

— Яо Чжэнь мог быть собирательным именем должности.

Красная линия соединила два знака в первой биографии. Ли указала, что он вновь употребил их как имя собственное. Фань ответил, что проверял наблюдение.

Дуань велел перенести документы в центральный павильон. Он не хотел продолжать разговор в узкой повозке, где половина комиссии стояла под дождём.

Чэнь Мэй напомнила, что не имеет права нести реестры. Дуань велел служителю перенести их, но Ли остановила его: лишний человек услышит имя и запомнит его как имя автора.

Ли почувствовала, как немеют кончики пальцев. Вчера кровавая строка приняла слова Фаня раньше голосования. Сегодня повторение стягивало разные документы к одной личности. Чем больше людей слышали имя в официальном разговоре, тем прочнее становилась связь.

Она накрыла биографии холстом.

— Перенесите закрытыми. Заголовки вслух не читать.

— Вы запрещаете имя человека, на которого ссылается наша версия? — спросил Дуань.

— Я запрещаю превращать сомнение в доказательство повторением.

В центральном павильоне Матвей Тихонов освободил по-

ловину стола и сообщил, что русская сторона готова наблюдать китайскую проверку, особенно если она завершится признанием ошибки.

— Наблюдать можно молча, — сказала Ли.

— Это удар по моей должности.

— Переживёте.

Глеб стоял у западной двери. После временного регламента обе половины стана считались общим местом речи, но участники всё равно держались своих проходов. Он посмотрел на онемевшую руку Ли и ничего не спросил.

Дуань Жун сел напротив Зорина. Фань разложил три реестра, Чэнь Мэй осталась рядом с Боро Чулуу за чертой свидетелей.

Ли написала на дощечке: «предполагаемый автор» и поставила её перед документами. Писцы должны были употреблять имя только с этой оговоркой.

Матвей потребовал записать правило на двух языках, иначе стороны станут предполагать разное. Фань перевёл формулу. Зорин спросил, не станет ли сама оговорка признанием существования автора. Ли заменила её словами «лицо, названное в поздних ссылках».

Дуань покачал головой.

— Так мы лишим собственный текст основания.

— Основание, которое нельзя проверить, опаснее временной пустоты.

— Если убрать ссылку, русская сторона потребует новый

источник для каждой статьи.

Зорин не стал скрывать удовлетворения.

— Потребуем.

Дуань сказал Ли, что её независимость работает против китайской делегации. Она возразила: проверка направлена против неподтверждённого полномочия. Для старшего посла разница могла исчезнуть, если переговоры сорвутся.

Ли услышала честное предупреждение. Дуань боялся, что без единого автора обе стороны потеряют удобный язык и вернуться к оружию.

Он предложил выбрать политически приемлемую версию — чиновника канцелярии. Его биография лучше других подходила официальному Кодексу.

Ли развернула первую запись. Печать была подлинной, бумага соответствовала году. Но ссылка внутри вела к книге, составленной раньше рождения чиновника.

— Если я выберу эту версию, комиссия признает её исходной.

— И сможет продолжить работу.

— Тогда выбор создаст авторитет, которого мы ищем.

Фань заметил, что любой официальный источник возникает через выбор: первая запись становится первой, потому что архив считает её такой. Чэнь Мэй напомнила, что проверяющий не должен подтверждать удобную полноту.

Дуань указал, что она больше не архивист делегации.

— Поэтому могу ошибаться бесплатно, — ответила Чэнь.

Матвей сообщил, что многие чиновники платят за эту привилегию всей службой.

Зорин попросил Фаня объяснить версию собирательного имени. Переводчик сказал, что Яо мог быть служебным именем. Каждый носитель должности получал биографию для своей среды. Тогда чиновник, монах и переводчик представляли разные способы действия одной службы.

— Это решает даты, — сказал Дуань.

— И делает Кодекс наследуемым без живого автора, — ответила Ли.

Должности наследовались вместе с полномочиями, но не с личной ответственностью. Если автором считалась должность, отвечать за исходный смысл было некому.

Фань не видел в этом недостатка. Живой человек мог умереть, отказаться или продать толкование. Должность сохраняла правило дольше одного поколения.

— И может говорить от имени человека, которого никогда не было.

— Если стороны признают право должности, этого достаточно, — сказал Фань.

На полях второй биографии кровь собралась вокруг имени. Несколько присутствующих уже воспринимали знаки как название должности. Печать реагировала на узнаваемость, а не на доказанное происхождение.

Ли велела Матвею записать каждое произнесение. Он насчитал семь случаев. Чэнь Мэй указала на поля: после пято-

го следы соединились, после седьмого охватили имя полностью.

Зорин предположил, что повторение имеет порог. Ли считала важнее статус говорящих: имя произносили старший посол, главный переводчик и члены комиссии.

Боро спросил, что будет, если то же имя повторяют люди у внешних костров. Они не признали Кодекс, но могли узнать автора. Фань полагал, что узнаваемость без полномочия ничего не решает.

Ли напомнила о печати Демонического посла в описи. Сначала в реестре появилось место для должности, потом ссылка, затем имя.

— Вы считаете, что биографии создали одного человека из трёх? — спросил Дуань.

— Три разных читателя получили подходящую историю. Поздние писцы связали их одним именем. Теперь официальное повторение укрепляет связь.

— А если имя существовало раньше?

— Тогда нужен источник, который не ссылается на более ранний Кодекс.

Среди открытых документов такого источника не было.

Чэнь Мэй предложила свой опыт. На чистой карточке Матвей написал имя без пояснения, а китайский писец повторил его своими знаками. Крови не появилось. Тогда Дуань произнёс, что это имя автора Кодекса. У края карточки выступила красная черта.

— Значит, важны не знаки сами по себе, — сказала Чэнь.

— Важна признанная роль.

Ли велела сжечь карточку. Матвей поднёс её к лампе, но красная черта не горела дольше бумаги. Когда карточка рассыпалась, такой же след проступил на полях второй биографии.

— Запись можно уничтожить, связь остаётся в признанном источнике, — сказала Ли.

Фань попросил внести опыт в протокол: иначе одна сторона позже объявит его ошибкой памяти.

Затем переводчик предложил считать первоначальным автором саму должность. Это позволило бы продолжить переговоры без выбора биографии. Дуань поддержал: комиссия признавала бы не человека, а последовательность служебных толкований.

Ли увидела выгоду. Китайская сторона сохраняла ссылку, Фань получал наследуемое полномочие, а отсутствие автора превращалось в достоинство системы.

— Нет.

Дуань потребовал объяснение для протокола.

— Собирательное имя не устанавливает первую формулировку. Оно переносит право толкования на должность. Мы не знаем, откуда взялось это право.

Фань заметил, что долгое пользование создаёт обычай.

— Обычай требует возможности отказа тех, кого он связывает, — ответила Ли.

Боро поставил знак под этой фразой и уточнил, что признаёт только её. Матвей пожаловался: местный свидетель понимает протокол лучше половины назначенных людей. Боро ответил, что ему не мешает жалование.

Зорин потребовал временно исключить ссылку на Яо. Дуань отказался: это означало уступку русской стороне ещё до сверки первой статьи.

Ли предложила другой порядок. В исходной копии ссылка сохранялась, но в рабочих актах следовало писать «лицо, названное в поздних ссылках». Пока независимый источник не найден, это лицо не считалось первоначальным автором и не могло служить единственным основанием толкования.

Фань прочёл формулу по-китайски. Кровь на полях остановилась. Она не исчезла, но перестала стягиваться к имени.

— Работает, — сказала Чэнь Мэй.

Политическая цена была ясна: русская сторона получала право требовать другой источник для спорных статей. Китайская делегация теряла преимущество единой ссылки, не признавая подделку.

— Вы оставляете нас без первого авторитета, — сказал Дуань.

— Я оставляю нас без вымышленной уверенности.

— Мир иногда требует уверенности раньше доказательства.

— Тогда он держится до первого человека, который проверит дату.

Дуань долго смотрел на неё. После этого решения он будет считать независимость Ли угрозой не только Фаню, но и переговорам.

Старший посол всё же поставил знак под временным порядком. Зорин подписал следом. Матвей и китайский писец изготовили две копии. Ли потребовала, чтобы оговорка стояла перед именем.

Китайский писец по привычке написал имя первым. После строки появилась красная точка. Он зачеркнул два знака и начал заново. Точка побледнела.

Фань наблюдал без раздражения.

— Вы не уничтожили автора.

— Я не ставила такой цели.

— Вы изменили способ обращения к нему.

— Этого достаточно, чтобы он не говорил первым.

Глеб подошёл к столу со стороны западной двери. В руках у него была дощечка с печатью Зорина.

— Гонец из крепостного архива.

Матвей прочёл запись и попросил проверить дату. Глеб подтвердил: русскую копию Кодекса нашли среди старых пограничных переводов. Бумага и водяной знак указывали на время, предшествовавшее всем трём китайским биографиям.

Дуань потребовал назвать год. Глеб положил дощечку перед Ли.

Русская копия была старше чиновника, монаха и казнён-

ного переводчика. На её полях не стояло имени Яо Чжэня.

Глава 11. Русская копия древнее оригинала

До западного берега Глеб и Матвей добрались в одной лодке. Их выход не считался одиночным: архивная дощечка на носу подтверждала цель перехода, а Зорин и Дуань Жун поставили на ней малые знаки до отплытия.

Лёд шёл плотными полосами. Гребец дважды убирал весло, пропуская серые глыбы между бортом и сваями. Матвей сидел напротив Глеба и прижимал к груди связку ключей.

— Ты боишься воды или склада? — спросил Глеб.

— Вода не просит вспомнить, кому я отдавал бумаги год назад.

Значит, склада. Матвей боялся не замков и холода, а собственного почерка, который мог лежать в чужом сундуке.

У причала их встретил Семён. По распоряжению Пахомова он стал вторым военным свидетелем, хотя для вскрытия хватало одного. Начальник гарнизона решил, что после переноса границы Глебу полезно иметь рядом человека, способного подтвердить каждую новую беду.

— Мне велели смотреть, чтобы вы ничего не вынесли тайком.

— А если вынесем открыто?

— Тогда запишу вес.

Крепостной архив находился за холодным складом, где зимой держали запас фитилей. После ледохода часть проходов залило талой водой. Доски положили поверх грязи, а двери одинаковых кладовых пометили углём.

Глеб остановился у первого поворота. После разрушения дорожного узла он не мог восстановить путь к заставе, а теперь одинаковые проходы склада начали смешиваться. Он помнил архив справа от старой лестницы, но видел перед собой две лестницы, и обе казались знакомыми.

Он велел Матвею идти впереди. Писарь хотел спросить, зачем, но посмотрел на ключи и передумал. У первой двери замок был новый, у третьей на косяке стоял знак оружейного запаса. Матвей выбрал среднюю без колебаний, взял длинный ключ с зазубриной у кольца и повернул дважды.

За дверью начинался узкий коридор. Глеб запомнил скол на доске у входа, но через десять шагов увидел такой же. Он не стал угадывать и попросил назвать порядок помещений. Матвей объяснил: слева хранились старые приказы, справа — посольские бумаги, в конце — книги торговых сборов.

— Почему боялся входить, если знаешь всё наизусть?

— Опись составлял до того, как даты начали прибавлять себе людей.

Семён шёл последним и отмечал двери мелом. На третьей он нарисовал рыбу. Матвей спросил, зачем. Семён ответил, что обратно не хочет попасть в овёс. Возражение о том, что овса здесь нет, его устроило: значит, знак выбран удачно.

Комната посольских бумаг оказалась холоднее двора. Вдоль стен стояли сундуки с двойными замками. На крышках выжгли годы и имена писарей. Матвей подошёл к пятому сундуку, но Глеб остановил его и велел сначала показать тот, который писарь открыл бы без свидетелей.

Матвей указал на соседний. Там лежала нынешняя переписка. Старую выписку перенесли в пятый после сверки водяного знака. Ответ совпал с описью, но Глеб проверял Матвея по движениям: какой ключ тот выберет, на какой узел посмотрит и как развернёт ткань.

На крышке пятого сундука год выжгли поверх другого. Глеб соскоблил ногтем копоть. Под свежими цифрами проступала дата на двадцать семь лет раньше.

— Кто менял?

— Не я.

— Удобно.

— Поэтому и страшно.

Они открыли сундук одновременно. Внутри лежали свёртки в промасленной ткани. Матвей вынул второй снизу, как было указано в его старой описи. Перед последним узлом он остановился.

— Здесь была красная нить. Теперь серая.

Семён записал цвет на дощечке.

Выписка оказалась торговым поручительством. Купцы с двух берегов обязывались вернуть меха или возместить их стоимость после навигации. Бумага была плотной, с водя-

ным знаком мастерской, закрывшейся раньше трёх китайских биографий.

На нижнем поле другой рукой добавили: «Исполнять по Кодексу Демонического посла».

Приписка была темнее основного текста. Чернила въелись слабее, а перо оставило широкие края. Матвей поднёс лист к окну и определил, что поручительство писали сажей, а ссылку — железными чернилами несколько лет спустя.

Глеб провёл пальцем возле строки, не касаясь букв. Кожа на левой руке похолодела. Красного следа не появилось, но слово «Кодекс» потемнело.

— Приписка действует, — сказал Семён.

Матвей пояснил, что её признал архив. Сундук значился как источник древней русской копии. На полях стоял номер поздней описи, составленной самим Матвеем.

— Ты внёс её как копию Кодекса.

— По заголовку прежней описи. Проверил бумагу и печати, а ссылка стояла на месте.

Возраст бумаги стал возрастом текста. Матвей не оправдывался. Глеб ждал привычной лжи и потому насторожился.

Семён спросил, можно ли сделать старым приказ, если написать его на дедовой рубахе. Матвей ответил, что для канцелярии рубаха неудобна: печать трудно поставить, не разбудив деда.

Глеб велел разложить лист на крышке сундука. Под косым светом стала видна выскобленная строка. Раньше там стояло

имя поручителя. Его сняли ножом, а поверх вписали должность Демонического посла.

— Сначала был человек. Потом его место занял титул.

— Или имя мешало новой ссылке.

Изменить запись мог писарь с доступом к торговым бумагам. Матвей имел такой доступ. Фань в склад не входил, но мог видеть текст до помещения в сундук.

Матвей сел на корточки. Связка ключей звякнула о доски.

— Год назад Зорин приказал готовить общий словарь. Китайская сторона прислала переводчика. Это был Фань.

Матвей признал, что передал Фаню раннюю книжку соответствий. Они работали три вечера в приказной комнате. Посредник с чужой табличкой появился раньше и забрал первую копию, а потом пришёл Фань с официальным письмом Зорина.

— Почему скрыл три вечера? — спросил Глеб.

— После нападения мой почерк нашли у человека, который называл нанимателем тебя. Тайная работа с Фанем выглядела бы плохо.

— Сейчас выглядит лучше?

— Сейчас должен остаться приказ Зорина.

Распоряжение нашлось в соседнем свёртке. Печать была подлинной. Зорин велел передать главному переводчику восточной стороны рабочий глоссарий и не вносить встречу в общий журнал до выдачи охранных грамот.

Матвей объяснил тайну страхом гарнизона перед уступ-

кой. Тогда здесь спорили даже о переводе слова «гость». Семён заметил, что теперь смысл понятен: гость — человек, у которого сначала отбирают оружие, потом право уйти.

Зорин официально свёл Матвея с Фанем задолго до прибытия делегации. Это не доказывало участия в схеме, но меняло круг людей, имевших доступ к русским словам.

Глеб спросил, видел ли Фань старую выписку. Матвей отрицал, зато вспомнил точную фразу переводчика: Демонический посол говорит за отсутствующую сторону, а право получает от того, кто первым признаёт перевод.

Семён перестал улыбаться.

Глеб велел повторить слова без изменения. На приписке проступила красная точка и исчезла под волокнами.

Формула была известна год назад. Матвей не понимал её назначения, но запомнил ответ, потому что спросил, кто разрешил переводчику говорить за людей, которых нет в комнате.

— Зорин присутствовал на встречах? — спросил Глеб.

— В первый вечер. Передал мне два листа и ушёл.

— Фань принёс свою копию?

— Нет. Он просил русские слова и писал китайские соответствия рядом.

— Какие слова его интересовали?

Матвей назвал только те, что помнил точно: «сторона», «исполнение», «отсутствующий». Слово «посол» Фань вписал сам и попросил оставить место перед ним.

— Для имени? — спросил Семён.

— Он сказал, для должности.

— Ты сообщил Зорину?

— На следующий день. Он велел продолжать и не искать беду в каждом свободном поле.

Глеб развернул приказ к свету. Под печатью стояла короткая приписка: «Сверять смысл без оглашения источника». Её сделали теми же чернилами, что и ссылку на Кодекс, но другой рукой.

— Это почерк Зорина?

— Похож. Я не стану подтверждать, пока не увижу его журнал.

— Теперь осторожный?

— Теперь у меня появился опыт.

Семён попросил уточнить, почему Матвей не записал встречи в личную тетрадь. Писарь признался, что записал, а потом вырвал страницы по приказу Зорина. Корешки остались в переплёте. Тетрадь лежала в его комнате на острове.

— Значит, к вечеру принесёшь её на сверку, — сказал Глеб.

— Если к вечеру у меня останется комната.

— Комната останется. Вопрос в двери.

— Двери сегодня ведут себя хуже людей, — сказал Матвей.

— Люди хотя бы иногда признают, что закрылись не по своей воле.

— Запиши. Для канцелярии пригодится после обеда, обязательно.

За стеной раздался скрежет. Глеб повернулся к задней доске сундука. Звук повторился, когда Семён опёрся на крышку.

Они вынули свёртки. Задняя стенка двигалась на ширину пальца. Один гвоздь был короче остальных. Глеб поддел доску ножом и снял её.

В щели лежала деревянная табличка, выскобленная почти до белого слоя. На ней сохранились следы двух строк. Верхняя читалась полностью: «Демонический посол». Ниже начинался знак драконьего когтя, но резчик не закончил третий загиб.

Матвей отступил.

— Я её не видел.

— Сундук опечатывал ты.

— Заднюю стенку не снимал.

Табличка была моложе сундука. Её спрятали после замены нити, но до последнего пересчёта: пыль лежала поверх щели одинаковым слоем. На обороте сохранилась вмятина от печати без имени. Такой же круг появился утром в китайской описи Чэнь Мэй.

Матвей назвал находку заготовкой служебной таблички без владельца. Должность могли выдать позднее. Глеб подумал, что владельцем мог стать первый человек, чьё право признают.

Глеб завернул находку в чистую ткань. Левая ладонь онемела до запястья. Табличка не была печатью, которую можно сломать прикосновением. Она подтверждала место для ещё не названного человека.

Семён спросил, арестовывать ли Матвея. Писарь поднял руки и попросил сначала дать ему доестъ: без довольствия архивистом он не станет, а голодным преступником вполне может.

Глеб не улыбнулся. Матвей солгал об объёме контактов с Фанем. Но приказ Зорина существовал, а писарь сам показал документ, усиливавший подозрение против него. Если оставить его свободным, ответственность за бегство или новую ложь ляжет на Глеба.

— Арестовывать не буду. Пойдёшь на совместную сверку свидетелем.

— Это хуже ареста.

— Почему?

— В аресте спрашивает один начальник. На сверке будут два посла, Ли и Фань. Я там нужен как почерк с ногами.

Глеб велел ему не убегать. Матвей напомнил, что дорогу из склада Глеб всё равно не помнит. Поэтому писарь снова пошёл бы впереди.

Семён составил акт вскрытия. В него вошли старая бумага, поздняя приписка, приказ Зорина и табличка. Матвей поставил знак свидетеля. Глеб подписал, что берёт его под личную ответственность до комиссии.

— Если я солгу? — спросил Матвей.

— Отвечу я.

— Плохой обычай.

— Поэтому не заставляй его повторять.

Документы уложили в отдельный ларец. Сундук оставили открытым для повторной проверки. Семён направился к выходу, но дверь закрылась раньше, чем он коснулся ручки.

Снаружи ударил засов.

Глеб поставил ларец на пол и вытащил саблю. Под дверью появилась полоса дыма. Пахло горячей паклей.

В коридоре слышались шаги. Затем раздался голос Зорина:

— Заражённые бумаги сжечь. Свидетелей оставить внутри.

Глава 12. Пожар в бумажной башне

Дым вошёл под дверь узкой полосой и пополз по полу. Пакля горела в коридоре, поэтому огонь пока не добрался до сундуков. Глеб поставил ларец с найденными бумагами на каменную плиту и рубанул саблей по засову. Дверь дрогнула, но не открылась.

Снаружи снова раздался голос Зорина:

— Заражённые бумаги сжечь. Свидетелей оставить внутри.

Матвей побледнел.

— Это его голос.

— Голос похож, — ответил Глеб. — Человека мы не видели.

Семён прижал рукав к щели. Дым пошёл медленнее, сверху посыпалась сажа. Архив занимал два яруса. Лестница вела к верхним полкам и маленькому окну, запертому ставней. Дверь оставалась единственным обычным выходом.

Глеб велел Матвею проверить ларец, а сам снял со стены пожарный топор. Он всадил топор в доску рядом с дверью, но лезвие вошло неглубоко. Брёвна были старые, просмоленные и слишком толстые, чтобы прорубить их до того, как загорится пол.

— Наверх, — сказал Семён. — Через окно.

Они поднялись по лестнице. Ставню удерживала желез-

ная скоба. Глеб выбил её обухом и распахнул окно. Дым повалил во двор. Почти сразу стрела вошла в раму возле его лица.

Он отступил.

Внизу, за поленницей, мелькнул человек. На плече у него висел русский фитильный ремень. Кафтан застёгивался китайской бронзовой пряжкой.

— Удобный враг, — сказал Матвей. — Каждый узнает своё и обвинит соседа.

Вторая стрела разбила край ставни. Семён лёг на пол и заглянул наружу через щель.

— Двое у колодца. Ещё один за навесом.

Люди во дворе кричали, но к складу не подходили. Из-за угла передавали вёдра, и вода уходила на крышу соседней кладовой. До их прихода архив уже объявили заражённым, поэтому караульные держали расстояние.

Глеб вернулся вниз. Огонь прошёл по пакле вдоль порога. Засов не просто запирает выход. На внутренней стороне досок проступили тёмные слова: «Очистить склад». Приказ признали караульные, закрывшие дверь и отступившие.

Семён навалился на неё плечом. Воздух вышел из лёгких, а дверь не сдвинулась.

— Больше не трогай, — сказал Глеб. — Она открывается только после исполнения.

— Когда склад станет чистым?

— Когда в нём не останется бумаг или свидетелей.

Матвей посмотрел на сундуки.

— Предлагаю считать чистотой отсутствие пыли.

— Предложение позднее.

Дым поднялся до колен, пока Глеб простукивал брёвна; у заднего угла звук изменился. После старого ремонта там поставили лёгкие брёвна, обшитые доской под общий размер. Снаружи к стене примыкал пустой двор между складом и баней.

Он вонзил топор в шов. Доска треснула.

— Здесь выйдем.

Матвей уже обвязывал верёвкой большой сундук.

— Что ты делаешь?

— Спасаю архив.

— Ты его не поднимешь.

— Поднимем втроём.

— И сгорим вчетвером, если считать сундук.

Матвей потянул узел. Сундук сдвинулся на ладонь и зацепился ножкой за половицу.

— В нём описи за сорок лет.

— Назови три бумаги, без которых расследование рухнет.

— Нельзя выбрать три.

Глеб выдернул верёвку из его рук.

— Тогда я выберу за тебя. Приказ Зорина, выписку с поздней припиской и табличку.

Матвей закашлялся.

— Опись нужна. Без неё выписка окажется случайным ли-

стом.

— Значит, одна из трёх — опись. Что оставляем?

Писарь посмотрел на ларец. Глеб ждал. Матвей вытер лицо рукавом и перевёл взгляд на старый сундук. Раньше он бы сам схватил нужное и велел остальным следовать за ним. Теперь выбор принадлежал человеку, который понимал бумаги лучше.

— Приписку, опись и пустой лист из того же свёртка, — сказал Матвей.

— Почему пустой?

— На нём номер прежнего дела и след от вырванной нити. Если цепочка подменена, он покажет место.

— А приказ?

— Семён переписал его в акт. Подлинник сгорит, но содержание останется у двух свидетелей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.